

81. 650. 195
400163. 11

288165-1

Г 74

С. А. ГОЧКРЕВА

**НАРЕЧИЕ
В
КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКЕ**

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

С. А. ГОЧИЯЕВА

НАРЕЧИЕ
В
КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКЕ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК — 1973

Научный редактор
кандидат филологических наук
Х. И. СУЮНЧЕВ

288165

© Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства, 1973

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, что вопрос о наречиях в большинстве тюркских языков до сих пор не получил удовлетворительного решения.

В специальной литературе, а также в существующих грамматиках многих языков характеристике наречий отводится очень мало места. Тем не менее в тюркологии определилось мнение, что проблема наречия, как части речи, сложная и объективно трудная. Поэтому тщательное изучение специфических особенностей наречий в конкретных языках, выявление их грамматических признаков, анализ путей их образования и происхождения, раскрытие общих закономерностей в формировании этой части речи в разных тюркских языках — все это, на наш взгляд, поможет ближе подойти к выяснению целого ряда спорных и актуальных вопросов тюркской грамматики, в частности, в решении проблемы классификации частей речи. Именно на это указывал Н. К. Дмитриев, когда писал о наречиях: «Для тюркских языков — это тот фокус, в котором скрещиваются различные проекции имен (существительные, числительные, местоимения) и глагола, и отчетливая характеристика которого неминуемо должна пролить свет на всю проблему о частях речи»¹.

Таким образом, выделение наречия как особой части речи и изучение всех ее особенностей непосредственно связано с вопросами правильной классификации частей речи не только в карачаево-балкарском языке, но и

¹ Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. «Памяти акад. Л. В. Щербы», 1951, стр. 154.

вообще в тюркских языках. А «правильная классификация слов по частям речи, — как пишет об этом А. О. Исхаков, — облегчает задачу изучения грамматического строя того или иного языка».¹

Предлагаемая работа посвящена изучению категории наречия в карачаево-балкарском языке. Привлечение сравнительного материала из ряда родственных тюркских языков кыпчакской группы имеет целью проследить общие с ними явления в формировании этой части речи, выявить закономерности в лексическом использовании, в морфологическом оформлении и в синтаксическом употреблении наречий, которые характеризуют карачаево-балкарский язык в сравнении с другими тюркскими языками.

Работа выполнена в секторе карачаево-балкарского и ногайского языков Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики. В процессе работы над темой автор пользовался научными консультациями и ценными советами заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской и Туркменской ССР, доктора филологических наук, профессора Н. А. Баскакова, за что выражает ему искреннюю благодарность и глубокую признательность.

А. О. Исхаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, стр. 22.

ВВЕДЕНИЕ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРЕЧИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В античном и в средневековом русском языкознании содержание понятия **наречие** сводилось к логической сути слова **приглаголие**—*abverbium*. Но уже русские ученые XVIII века отмечали, что смысл наречия гораздо шире, ибо функции его в языке не ограничиваются только соотносительностью с глаголом. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике»¹ указывал, что наречия, выполняя функции обстоятельств, содержат в себе и идею обобщения.

Так как основными частями речи Ломоносов считал имя существительное и глагол (по идее, что эти части речи «всегда знаменуют вещи или деяния»; «вещи в виде деяний и деяния в виде вещей представляются»), то обо всех остальных частях речи он судил по их служебным функциям по отношению к этим основным. К этому сводятся и его суждения о местоимениях, наречиях и междометиях, которые он объединяет по общности их основной функции — выражения краткости в передаче мысли.

Определение Ломоносовым этой обобщающей роли наречий (местоимений и междометий), ведущей к лаконичности выражения мысли, было положительным шагом в учении о частях речи по сравнению с традициями античного языкознания.

Однако в последующих работах по русскому языку, вплоть до середины XIX века, наблюдалась некоторая

¹ М. В. Ломоносов. Полное собр. соч., т. VII, М.-Л., 1952.

хаотичность в дифференциации частей речи, преобладало определение их сущности с точки зрения только логического содержания слова. Лишь в зависимости от вещественного значения слова части речи делились на знаменательные и служебные. Не было теоретического осмысления сущности той или иной части речи как грамматической категории.

Поэтому наречие, как и другие части речи, долгое время оставалось без определенного места в ряду знаменательных или служебных слов. Одни ученые относили наречие к служебным частям речи по признаку неизменяемости. Другие считали наречие промежуточной категорией между знаменательными и служебными частями речи: наречия, образованные от знаменательных частей речи, относились к знаменательным, а наречия, происхождение которых трудно было установить, относились к служебным частям речи.

Заслуга наиболее четкой постановки вопроса о природе частей речи принадлежит известным русским и советским ученым, таким как Ф. И. Буслаев, К. С. Аксаков, А. А. Потебня, позже Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук и др. Языковедческие труды этих ученых занимают достойное место среди тех работ, «результаты которых имеют не только местное значение, но и принадлежат международной науке»¹. Поэтому естественно, что при изучении вопросов, касающихся проблем отдельных языков, исследователи обращаются к трудам русских ученых и, несомненно, черпают из них много ценного для понимания особенностей исследуемого языка. Мы не останавливаемся на анализе взглядов русских ученых на природу частей речи вообще и наречий в частности. Это сделано в трудах многих ученых.² Следует только отметить, что учение русских исследователей о наречиях, также как и о других частях речи, является одним из отправных моментов в исследовании вопросов наречия в каждом отдельном из тюркских языков.

¹ И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 16.

² Н. С. Поспелов. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.

Другой не менее важной опорой исследователей современных тюркских языков являются традиции самой тюркологии. Не всегда положения и выводы тюркологов прошлого по отдельным вопросам отвечают требованиям современной науки. Однако они во многом определяют пути дальнейшего исследования и уровень проблематичности того или иного вопроса. В этом отношении определенный интерес представляют и работы дореволюционных тюркологов, в которых с той или иной стороны затрагивался вопрос о наречиях.

Наиболее значительные из этих работ: «Грамматика татарского языка» И. Гиганова (1801 г.), «Общая грамматика турецко-татарского языка» А. Казем-Бека (1839 г.), «Грамматика алтайского языка», составленная алтайской миссией (1869 г.), «Материалы для исследования чувашского языка» Н. И. Ашмарина (1898 г.), «Опыт исследования урянхайского языка» Н. О. Катанова (1903 г.). Общеизвестно, что эти исследования представляют большую научную ценность для тюркологии в целом, как первые попытки системного описания грамматического строя отдельных тюркских языков. В этих работах и наречие выделяется как самостоятельная часть речи. Однако в трактовке его авторы указанных работ не сумели отойти от схемы русской грамматики и дать сколько-нибудь дифференцированное представление о нем, выделить его какие-либо своеобразные особенности. Главным и общим ошибочным явлением в этих работах было включение в состав наречий прилагательных и других частей речи, что происходило из нечеткого определения его значения, из отсутствия единого и верного принципа его выделения в особую часть речи.

* * *

Глубокое теоретическое осмысление природы тюркских языков стало возможным только в советское время. Работы виднейших советских ученых, таких как В. А. Гордлевский, В. А. Богородицкий, А. К. Боровков, Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов, Э. В. Севортян, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, исследования языковедов тюркоязычных республик с самых разных сторон проливают свет на структуру этих языков, раскрывают

специфику их грамматического строя. Одной из главных проблем, вокруг которых были сосредоточены поиски советских лингвистов-тюркологов, была проблема классификации частей речи, ибо, как пишет Э. В. Севортян: «Советская тюркология не получила в наследие от дореволюционной рекомендации относительно оснований для классификации частей речи, особенно именных»¹. Проблеме частей речи в тюркских языках посвящена большая литература. Однако следует отметить, что ни в одной другой области языкознания не наблюдается столь длительной дискуссии и разноречивости мнений, как в вопросе о частях речи. Относительно этого имеется справедливое замечание известного советского ученого В. М. Жирмунского, которое в полной мере относится и к тюркским языкам: «Вопрос о частях речи как о классах или разрядах слов — один из наиболее древних в языкознании; тем не менее он до сих пор не может считаться решенным — ни в смысле их состава, ни в отношении самих принципов классификации»². Поэтому, говоря словами Э. В. Севортяна: «Классификация всегда останется одной из забот тюрколога-исследователя, всегда будет одной из задач исследования, одним из результатов, органически вытекающим из свойств и особенностей изучаемого языкового явления»³.

Истоки определения принципов дифференциации частей речи в тюркских языках в советское время восходят к трудам таких видных тюркологов, как А. Н. Самойлович, В. А. Гордлевский, В. А. Богородицкий.

А. Н. Самойлович пишет: «Разделяясь по своему смысловому значению (логически) на именные и глагольные, основы распадаются на эти две категории как по синтаксическим своим особенностям, так и по формальному признаку»⁴. В категорию именных форм ав-

¹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. «Советская тюркология», № 3. Баку, 1970, стр. 7.

² В. М. Жирмунский. О природе частей речи и их классификации. «Вопросы теории частей речи». Л., 1968, стр. 7.

³ Э. В. Севортян. Ук. соч., стр. 6.

⁴ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 37.

тор включал существительные, прилагательные, местоимения и числительные. Считая ведущим критерием синтаксический признак слова А. Н. Самойлович включал наречие в разряд вспомогательных частей речи — частиц.

В. А. Гордлевский дифференцировал части речи по семантическому и частично синтаксическому признакам. Но при этом в его «Грамматике турецкого языка» наречие рассматривается как служебная часть речи наряду с союзами и междометиями. Касаясь этимологического состава наречий, Гордлевский пишет, что они «выражаются двояко: 1) косвенным образом, когда в роли наречий встречаются этимологические формы, которые имеют в современной живой речи также и другое употребление (это — имя, часто прилагательное, в неопределен., дат., вин., местн. и исх. падежах; нередко одновременно в исх. и дат. п. для выражения высшей превосходной степени); 2) непосредственно, т. е. в виде окаменелых морфологических образований (именных или глагольных), которые по значению представляют собой формы, аналогичные обстоятельственным наречиям европейских языков»¹. В целом правильно отмечая соотносительность состава наречий с другими именными основами, Гордлевский не определил грани между наречиями и основами, от которых они произошли.

В. А. Богородицкий делил части речи по признаку наличия собственного значения в слове. В составе слов, имеющих собственное значение, он предлагал различать главные, самостоятельные части речи и части речи придаточные, подчиненные.

Например, прилагательные и числительные он считал подчиненными частями речи по отношению к существительным, а наречия считал подчиненной частью речи к глаголу. Среди слов «основного класса», куда он относил слова, служащие для обозначения предметов и явлений, Богородицкий выделял два отдела: отдел слов с полным значением и отдел слов без полного значения или частиц. «В отделе слов с полным значением одни

¹ В. А. Гордлевский и др. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 153—154.

слова более самостоятельны, другие же подчиняются им, служат определением их»¹.

Слова самостоятельные составляют имена существительные и глагол. «Слова с полным значением подчиненные распадаются тоже на две группы: относящиеся к существительному и относящиеся к глаголу. Части речи, относящиеся к существительному, служат для определения последнего по качеству или же количеству, а также и указанием»², имеются в виду имена прилагательные, имена числительные и местоимения... «Аналогичные соотносительные части речи могут быть и к глаголу, это так называемые наречия, например: *аз* «мало», *йахшы* «хорошо», а соотносимость их в формальном отношении выражается опять синтаксически — постановкой их в предложении непосредственно перед глаголом-сказуемым»³. Таким образом, по концепции Богородицкого, наречия, как и другие части речи, выделяются только по синтаксическим признакам и местом по отношению к глаголу.

Дальнейшее развитие учение о частях речи получило в трудах А. К. Боровкова, Н. К. Дмитриева, В. М. Насилова.

Именно А. К. Боровкову принадлежит идея комплексного подхода к классификации частей речи, т. е. к объединению семантического, морфологического и синтаксического критериев. Э. В. Севортян отмечает: «В 1936 году А. К. Боровков сформулировал этот комплексный подход, который по настоящее время применяется в работах, относящихся к частям речи»⁴. Однако в трактовке наречия этот комплексный подход не нашел применения, откуда проистекало и ошибочное положение относительно дифференциации прилагательных и наречий, о чем А. К. Боровков писал: «По сути дела, между прилагательными и наречиями в уйгурском языке можно провести грань лишь синтаксически, так как

В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, стр. 139.

² Там же.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. «Советская тюркология», № 3. Баку, 1970, стр. 7.

прилагательными же могут быть выражены и свойства, и признаки глагола; прилагательные сами по себе превращаются в наречия по своей синтаксической функции»¹. Это положение противоречит идее учета совокупности всех критериев.

Очень много внимания уделял в своих трудах наречию, как самостоятельной части речи, Н. К. Дмитриев. И в «Грамматике кумыкского языка», и в «Грамматике башкирского языка» наречие занимает место в ряду других знаменательных частей речи. Кроме того, им разрабатывались и отдельные частные вопросы этой категории.

В фундаментальном труде Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков» мы находим его статьи «Наречия места в турецком языке» и «Наречия в татарском и русском языках». Во всех работах, касающихся вопроса о наречиях, Н. К. Дмитриев отмечал, что наречие в тюркских языках — это незавершенная в своем оформлении категория, которая находится в процессе становления. Н. К. Дмитриев считал, что при всех своих особенностях и различиях наречий по языкам определение сущности наречия как грамматической категории ничем не может отличаться от того общего определения, которое сложилось традиционно. Считая содержание частей речи, их сущность идентичными во всех языках, Н. К. Дмитриев выделяет неизменяемые части речи, куда наряду с послелогоми, союзами, частицами и модальными словами относит и наречие, что неправомерно, если исходить из совокупности всех его признаков.

Из работ В. М. Насилова, в которых наречию отводится место, можно назвать работу «Грамматика уйгурского языка». Общая характеристика частей речи в этой грамматике дана такая: «Основной различительный признак, могущий установить дифференциацию слов по содержанию, заключается в том, что одни обозначают предметность и главным образом пространственные координации, другие выражают действия и состояния, совершающиеся в различных соизмерениях времени»², откуда становится ясным, что основным при-

¹ А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

² В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 56.

терием их разграничения В. М. Насилов считает семантику слова. С этой точки зрения наречия, как группа слов, не связанных со значениями предметности или действия, в грамматике отнесены к вспомогательным частям речи, выполняющим служебные функции. Наречиям дается характеристика с точки зрения их генетического состава. Отмечается, что большинство наречий представляет собой «полуименные образования, сохранившие некоторые падежные формы».

Много важных вопросов, касающихся тюркских частей речи, решается в работах Э. В. Севортыяна. Именно Э. В. Севортыяну принадлежит идея о необходимости выделения ведущих критериев для определения частей речи. Он пишет: «Сохранив все три признака для выделения части речи, т. е. 1) морфологические, 2) синтаксические ее особенности и 3) общее грамматическое значение части речи, мы для каждой части речи выделяем одни признаки в качестве ведущих, рассматривая остальные в качестве дополнительных»¹. Такими ведущими признаками для существительных, например, по мнению Э. В. Севортыяна, являются формы словопроизводства, именного словоизменения и положение существительного в определенном словосочетании. Для прилагательных «ведущими» критериями могут быть формы словопроизводства и позиция прилагательного в словосочетании. «Для наречия, ввиду его недостаточного формального развития, основным признаком мог бы быть признак синтаксический, притом отрицательный, а именно: выяснение вопроса о том, с чем исследуемое наречие не может сочетаться»². Мы полностью разделяем мнение автора относительно необходимости выделения ведущих критериев. Однако признание синтаксического признака ведущим принципом определения наречия, по нашему мнению, не может быть окончательным и исчерпывающим решением, ибо природа наречий раскрывается во взаимосвязи многих сторон конкретного материала отдельных языков.

¹ Э. В. Севортыян. К проблеме частей речи. Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 221.

² Там же.

По совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков выделяет части речи и А. Н. Кононов. Основные положения А. Н. Кононова по отношению к частям речи и к наречиям изложены в его фундаментальных работах: «Грамматика современного турецкого литературного языка». М.—Л., 1956 г. и «Грамматика современного узбекского литературного языка». М.—Л., 1960 г. Из концепции А. Н. Кононова по наречию для нас важно следующее его положение: «Наречие в составе предложения выступает в качестве «определителя» действия, качества или предмета, т. е. в роли обстоятельства и определения; оно всегда неизменно. Имя прилагательное, выступающее в предложении в качестве характеристики предмета (приименное определение) и действия, состояния (приглагольное определение, т. е. обстоятельство), не становится тем самым наречием, а остается прилагательным»¹.

Много внимания вопросам классификации частей речи уделяет Н. А. Баскаков. По поводу определения принадлежности слова к той или иной лексико-грамматической категории Н. А. Баскаков пишет: «Совершенно очевидно, что слова представляют собой единство семантики и грамматической функции, с одной стороны, и их формы — с другой, поэтому при классификации слов на части речи необходимо учитывать и ту, и другую их стороны. Вместе с тем при классификации слов на части речи необходимо также точно дифференцировать, с одной стороны, их семантику, а с другой — функцию, а также и формы их выражения, не нарушая и не разрывая единства слова»². Следует указать на очень важное замечание Н. А. Баскакова относительно выводов о происхождении частей речи. Он пишет: «При определении природы частей речи и их классификации следует учитывать специфику каждой части речи и избегать общих выводов либо о чисто «синтаксическом» их происхождении, либо о чисто «морфологическом» или «лексическом» их характере. Факты показывают, что природа

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 274.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952, стр. 151.

частей речи вскрывается в единстве их сложной структуры, как категорий и лексических (слово в словарном составе) и грамматических (слово в грамматическом строе), которая получена ими в результате лексического и грамматического их развития»¹. И, наконец, в одной из последних своих работ, касающихся классификации частей речи, — в статье «Двойственная природа слова и проблема частей речи» Н. А. Баскаков вскрывает целый ряд специфических сторон этого вопроса, учет которых определит многие грани проблемы. Это, в первую очередь, о причинах неустойчивости частей речи, их смешения и произвольности включения слов в разные категории. Главной причиной этого автор считает смешение двух свойств слова в тюркских языках: «вещественной лексико-семантической его сущности и функционального его назначения в составе словосочетания и предложения»². С этой точки зрения классификация частей речи в концепции Н. А. Баскакова коренным образом отличается от всех существовавших доныне классификаций. Именно с учетом двойственной природы слова в тюркских языках автор делит знаменательные части речи на две противоположные группы: имена и глаголы. Группу имен он делит на: а) предметно-качественные имена (существительные, прилагательные и наречия); б) предметно-количественные (все имена числительные); в) предметно-подражательные (междометия и мимемы); г) предметно-местоименные (местоимения). Отнесение к группе имен предметно-подражательных имен является, видимо, условным по той причине, что междометия и мимемы — незначительные слова. «Таким образом, — пишет Н. А. Баскаков, — проблема частей речи может быть разрешена только при условии учета всех форм, выражающих двойственную природу слова — его реальное вещественное значение и функциональное назначение в составе слова или предложения. Установление правильного их соотношения и точное определение назначения каждой формы слова — вот то необходимое условие для разрешения проблемы частей речи, традиционные воззрения на которые до настоящего времени

¹ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 224.

² «Вопросы теории частей речи». Л., 1968. стр. 236.

мешают утверждению строго научной их классификации»¹.

Помимо работ общетеоретического характера, где наречие рассматривается в аспекте общей характеристики частей речи, необходимо отметить ряд работ, посвященных специальному исследованию наречий по отдельным тюркским языкам. Таких работ немного.

Из опубликованных работ следует отметить работу известного якутоведа Л. Н. Харитоновой «Неизменяемые слова в якутском языке». Заслуга автора этой работы в том, что он впервые устанавливает полную самостоятельность наречия якутского языка как части речи и выделяет его особенности по сравнению с наречиями других тюркских языков. «Наречия в якутском языке представляют собою самостоятельный разряд слов, достаточно четко различаемый от всех прочих слов по своим семантическим, синтаксическим и морфологическим признакам»², — пишет автор. Интересно замечание автора относительно слов типа *кбыш* «зима, зимой», *джай* «лето, летом», *узакъ* «даль, далеко». Автор пишет: «В подобных случаях для того, чтобы определить данное слово, необходимо рассмотреть всю совокупность его смысловых, синтаксических и морфологических свойств. Слово, способное в предложении выступать в качестве подлежащего, имеющее полное склонение и могущее принимать все формы, свойственные именам, должно быть отнесено к именам. То обстоятельство, что данное слово употребляется вместо наречия, должно рассматриваться как его особая функция, обусловленная особенностями его семантики, истории и т.д. Такое слово должно быть квалифицировано как имя, выступающее в роли наречия».³ По нашему мнению, если исходить из семантики отдельного слова, то слова этого типа представляют собой не что иное, как лексико-грамматическую омонимию в области имен существительных и наречий.

¹ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 239.

² Л. Н. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, стр. 5.

³ Л. Н. Харитонов. Ук. соч., стр. 7.

Справедливо замечание автора относительно тенденции некоторых авторов рассматривать наречия совместно с другими неизменяемыми словами и тем самым как бы не признавать за ними знаменательности. В этой связи автор указывает на ряд различий между наречиями и такими служебными единицами речи, как звукоподражательные и образные слова, послелогои, модальные слова. «...эти слова отличаются от наречий по семантическому признаку, они являются словами неполного значения и выражают квалификацию высказывания с точки зрения говорящего, тогда как наречия обозначают определение признака или обстоятельства. Отличаются они от наречий отчасти и в синтаксическом отношении тем, что могут относиться или ко всему предложению, или к любой части его, или к любому его отдельному члену. Наречия же могут относиться к глагольной форме, прилагательному и к другому наречию»¹.

Следующей работой, посвященной специальному изучению наречий, является монография А. О. Исакова «Наречие в современном казахском языке». Наречие как часть речи определяется у Исакова по трем признакам: 1) по значению; 2) по грамматическому оформлению; 3) по синтаксической функции. Ведущим из этих признаков он считает семантику слова. Он пишет: «В тюркских языках морфологические признаки части речи развиты слабо. Зато семантика слова в них весьма устойчива. В семантике слова заложено то, что мы хотим обнаружить в ней, т. е. в большей части семантикой слова уже определено, к какой части речи оно относится»². Поэтому и наречие у Исакова определяется в первую очередь с точки зрения значения слова, а затем только отмечаются остальные признаки: «Наречиями в современном казахском языке являются, во-первых, лексически выделенная определенная группа слов, которая выражает не названия предметов, не названия их признаков или свойств, не названия их состояния или действия, а различные условия, в которых протекает самое действие или состояние, а также различные признаки

¹ Л. Н. Харитонов. Ук. соч., стр. 8.

² А. О. Исаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, стр. 36.

признаков предметов, во-вторых, слова, которые морфологически застыли или законсервировались в определенной форме, и, в-третьих, слова, которые синтаксически выполняют функцию различных обстоятельств в предложении¹. Из признания приоритета семантики слова исходит и его оценка соотношений между прилагательными и наречиями. Слова типа *яхши*, *яман* «лексически являются только лишь именами прилагательными, но они никак не могут быть названы наречиями, хотя при сочетании с глаголами они выражают обстоятельства образа действия»².

Таковы вкратце взгляды тюркологов на природу наречий.

Мы не останавливаемся на анализе целого ряда публикаций, посвященных отдельным вопросам наречий³. Следует только отметить, что в них содержится много интересного о наречиях, о некоторых специфических их чертах в отдельных тюркских языках.

Вопрос о наречиях в работах по карачаево-балкарскому языку

В карачаево-балкарском языкознании наречие до сих пор специально никем не изучалось. Наши знания по наречию сводились к тем сведениям, которые давались в школьных учебниках по родному языку. Безусловно, эти учебники, будучи предназначены для широкого практического пользования, не могли давать полных, сколько-нибудь исчерпывающих сведений о лексико-

¹ А. О. Искаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, стр. 50.

² Там же, стр. 36—37.

³ А. Гулямов. К вопросу об адвербиализации в современном узбекском языке. Ученые записки Ташкентского госпединститута, выпуск II филологический сборник. Т., 1954; С. Фузайлов. Наречие в современном узбекском языке. Труды САГУ. Т., 1952. Давлетов С. Азыркы кыргыз тилиндеги тактоочтор. Фрунзе, 1960; М. Ф. Саруева. Наречие в ногайском языке. Труды КЧНИИ, выпуск III (серия филологическая): Черкесск, 1959; О. Джамалдинов. Наречие в современном уйгурском языке. А. к. д. Алма-Ата, 1965; А. Дж. Шукюров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. «Тюркологический сборник». М., 1966; Л. С. Ефимова. О некоторых аспектах проблемы наречия в современном турецком языке. «Вопросы тюркской филологии». М., 1966 и др.

грамматической структуре этой части речи. Мало того, в этих учебниках часто давалось не только неполное, но иногда и ошибочное представление о наречиях. В круг наречий входили часто и те слова, грамматическая принадлежность которых не была установлена: модальные слова, частицы и т.д. Таким образом, вплоть до настоящего времени среди карачаево-балкарских ученых-языковедов нет единого сложившегося представления о природе этой части речи: нет сформулированного точного определения, не выявлены принципы их выделения в особую часть речи, нет ясности в вопросах грамматической структуры наречий, широкого анализа форм образования и синтаксических функций. Причиной этого являлись, во-первых, недостаточно четкая разработанность проблемы частей речи карачаево-балкарского языка вообще, отсутствие единых критериев выделения той или иной части речи; во-вторых, говоря словами Н. К. Дмитриева, «чрезмерная, с точки зрения, например, русского языка, динамичность этих частей речи»¹, т. е. способность одного и того же слова по морфологическим приметам или семантике принадлежать к какой-нибудь одной части речи, а функционально — к другой. Такая «переходность» отдельных слов мешает стабилизации некоторых частей речи, создает недифференцированность между ними. А «...среди всех этих недифференцированных категорий особый интерес представляют наречия», — писал Н. К. Дмитриев.

Впервые наречие как самостоятельная часть речи карачаево-балкарского языка выделяется в работах В. Преле² и Н. А. Караулова³.

Признавая несомненную ценность этих работ как первых попыток научного освещения грамматической структуры карачаево-балкарского языка, приходится

¹ Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком-языке. «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 211.

² В. Преле. Карачаевские этюды. «Восточные обозрения», т. X. Будапешт. 1909; Балкарские этюды, I. «Восточные обозрения», т. XVI, 1914—1916. Балкарские этюды, II. «Восточные обозрения», XVI, 1915—1916.

³ Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1912, вып. 42.

отметить, что характеристика некоторых частей речи в этих работах в основном ограничивается приведением отдельных примеров в словарно-этимологическом плане. Так, описание наречия в работе Караулова начинается с такого положения: «Вообще всякое прилагательное, употребленное самостоятельно в именительном падеже, может служить наречием». И затем приводится большое количество примеров, куда входят в одном ряду и существительные, и прилагательные, и местоимения, рассматриваемые автором как наречия.

Более стройное описание частей речи, в том числе и наречия, впервые дано в «Грамматике карачаево-балкарского языка» У. Д. Алиева¹. Но и здесь самостоятельность наречия как части речи в некоторой степени ставится под сомнение. Во-первых, уже несправедливо то, что автор относит наречие к служебным словам, во-вторых, автор считает наречие «крайне слабо» развитой и неустойчивой частью речи, как бы существующей только за счет разрядов слов из других частей речи: «Некоторые именные и глагольные образования временно обращаются в омертвелое состояние и попадают в категорию наречий, но затем, в силу синтаксической связи между тем отделом и именным, переходят в последний»². О соотношениях между прилагательными и наречиями У. Д. Алиев отмечает, что «очень многие прилагательные употребляются в смысле наречий». Несомненно, автор имел в виду синтаксическое употребление прилагательных в обстоятельственной функции и тем самым отрицал превращение прилагательного в позиции перед глаголом в наречие. Однако в школьных грамматиках, написанных в последующие годы, авторы упорно продолжали утверждать, что всякое прилагательное, стоящее перед глаголом, переходит в наречие.

Вплоть до последних лет наречие, выделяясь как одна из частей речи, фактически комплектовалось словами из разных частей речи. Только в последнее десятилетие, когда появился ряд ценных научных исследований в области карачаево-балкарского языка, стало возможным приступить к изучению природы наречий в

¹ У. Д. Алиев. Грамматика карачаево-балкарского языка. Кисловодск, 1931.

² Там же, стр. 103.

этом языке. Работы У. Б. Алиева, русско-карачаево-балкарский словарь под редакцией Х. И. Суюнчева и И. Х.-М. Урусбиева, исследования М. Я. Хабичева «Местоимение в карачаево-балкарском языке» (Черкесск, 1961) и «Карачаево-балкарское именное словообразование» (Черкесск, 1971), «Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке» И. Х.-М. Урусбиева (Черкесск, 1964), «Послелогои и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке» Х. Хаджилаева (Черкесск, 1962), «Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка» Ш. Акбаева (Черкесск, 1963), ценные статьи по лексикологии Х. И. Суюнчева и ряд других работ проливают свет на природу частей речи в карачаево-балкарском языке. В статье У. Б. Алиева «Слово и части речи» выдвигаются очень ценные положения о сущности частей речи, которые дают возможность судить о наречиях, как о самостоятельной категории слов, имеющих весьма своеобразные особенности.

И, наконец, в последние же годы появились работы, которые посвящены научному исследованию отдельных вопросов наречия и проблемы наречия в целом. Так, в работе А. Ю. Бозиева¹ дается научная характеристика приемов и способов словообразования наречий.

В нормативной грамматике для вузов, изданной под редакцией Н. А. Баскакова², автором данных строк написан раздел «Наречие», в котором даны основные положения и выводы о наречиях в карачаево-балкарском языке.

Только специальное исследование даст возможность получить полное представление о весьма интересной и актуальной для карачаево-балкарского языкознания проблеме наречий.

¹ А. Ю. Бозиев, Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий. Нальчик, 1965.

² «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1965.

ГЛАВА I

I. НАРЕЧИЕ В СОСТАВЕ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Следует отметить, что до настоящего времени в учении о тюркских частях речи преобладало, по выражению Э. В. Севортяна, «классификационное направление». Это направление определялось практическими потребностями создания грамматических руководств и пособий для школ и вузов, в которых нуждалось «национально-культурное строительство» в тюркоязычных районах нашей страны. По проблеме частей речи проделана огромная работа тюркологами нашей страны, учеными высказано много мнений и предложений. Однако, подытоживая результаты этой огромной работы, Э. В. Севортян в одной из самых последних работ пишет: «Основания, по которым производилась и еще производится классификация частей речи—этих основных структурных единиц морфологии, как это принято считать в тюркологии,— не могут дать в руки исследователя что-либо новое для углубления исследований в области грамматики, так как эти основания сложились на этапе первоначальных наблюдений, на базе того, что лежало на поверхности явлений, относящихся к грамматике, и определялись приближенно, а не в итоге специальных исследований свойств, связей и отношений частей речи к другим сферам языка. Именно отсутствием достаточного числа подобных исследований в большей степени можно объяснить тот факт, что мы еще не располагаем теорией частей речи в тюркских языках, хотя преимущественно ими занимались эти годы в своих грамматических исследованиях. В связи с этой темой высказывалось немало сообра-

жений, мнений, гипотез. Но гипотезы оставались гипотезами, а теоретическая база и, следовательно, теоретический уровень изысканий в области частей речи существенно не изменились, как не изменилось главное направление этих изысканий—классификационное¹.

Действительно, при всей, казалось бы, насыщенности мнений и гипотез относительно классификации частей речи, многие вопросы этого аспекта остаются спорными и актуальными и по настоящее время. В частности, проблемы, вокруг которых скрещиваются взгляды ученых, коротко формулируются следующим кругом вопросов: 1) Возможно ли создание общей теории частей речи для языков, относящихся к различным системам? 2) Что определяет принадлежность слова к той или иной части речи, т. е. каковы принципы определения частей речи и их соотношения в языках различных систем? 3) Можно ли выделить решающим один фактор определения частей речи для всех тюркских языков и какой именно? 4) Каковы условия дифференциации частей речи между собой? Таковыми или приблизительно таковыми представляются нам направления, которые являются полемическими и на сегодняшний день. Но как бы тщательны ни были поиски в решении этих вопросов, ученые сами приходят к выводу о том, что эталонов, пригодных для всех языков в одинаковой степени в решении вопроса о частях речи не может быть. В лучшем случае можно выделить целый ряд критериев определения частей речи во всех языках, но добиться полной и одинаковой приемлемости этих критериев невозможно даже в пределах двух языков одной и той же системы. Некоторые из этих критериев могут быть универсальными для всех языков одинаково, некоторые могут быть пригодны для одних языков, непригодны для других. В этом смысле, пожалуй, (и нам остается повторить весьма распространенное, но гениальное высказывание акад. Л. В. Щербы о принципах классификации частей речи: «В вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится класси-

¹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. «Советская тюркология», № 3. Баку, 1970, стр. 6—7.

фицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым признакам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой... какие общие критерии различаются в данной языковой системе»¹. В этой связи следует отметить, что чем глубже шел процесс исследования тюркских языков, тем более ясной становилась неправомерность механического перенесения на тюркские языки морфологического строя языков других систем, в частности, русского. Это с одной стороны. С другой — бесспорной становилась необходимость самого тщательного изучения конкретных данных каждого языка в отдельности. Поэтому изучение природы частей речи в каждом отдельном языке, выявление их общих черт с родственными языками, а также выделение специфических особенностей частей речи в данном языке не только не сходит с арены, но и теперь является одним из важнейших условий создания общей теории частей речи. И естественно, только конкретный анализ словарного состава каждого языка в отдельности сгладит пестроту во взглядах ученых на систему частей речи.

По состоянию изучения проблемы частей речи в тюркских языках на современной стадии можно сделать следующие выводы.

В современных тюркских языках части речи — это большие категории слов, «обобщающие лексический материал языка»². Каждая часть речи включает в свой состав определенный круг слов, связанных общностью лексического значения и грамматических признаков. Принципы разграничения этих групп, т. е. выделения классов слов, каждый из которых составляет часть речи, — эти принципы для всех тюркских языков, по существу, едины. Взгляды тюркологов в отношении принципов определения частей речи, как лексико-грамматических категорий, скрещиваются в кругу семантических, морфологических

¹ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 64.

² В. А. Аврорин и др. Вопросы составления описательных грамматик. ВЯ, 1953, № 4, стр. 12.

и синтаксических принципов¹. Иначе говоря, установившимися общими критериями классификации частей речи принято считать лексико-семантические, морфологические и синтаксические признаки слова, т. е. «учитывать надо все: и форму, и функцию, и значение»².

Под лексико-семантической характеристикой слова, как известно, мы понимаем обобщенное значение предметности, признака, процесса, которое охватывает все слова, входящие в данный класс. Под морфологическими признаками подразумевается система форм словоизменения и словообразования. И, наконец, синтаксические признаки слова — это синтаксическая функция слова в предложении, его место и форма связи с другими частями речи и членами предложения.

Степень изученности проблемы частей речи зависит от уровня изученности языков, который далеко еще не одинаков. Если для таких языков, как узбекский, казахский, азербайджанский, татарский и др., классификационное направление можно считать пройденным этапом, то для языков младописьменных вопрос классификации частей речи является одним из актуальных на сегодняшний день, потому что по этим языкам до сих пор еще не создано научных грамматик, а учебники и учебные пособия строятся по схемам других языков.

Так обстоит дело и в карачаево-балкарском языке, в котором части речи фактически еще не исследованы и какой-либо «собственной» традиции в этом деле до

¹ См. литературу о частях речи в тюркских языках: А. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. «Революция и письменность», 1936, № 2; И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. ВЯ, 1955, № 2; Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. СВ, 1957, № 1; В. А. Богородицкий. О частях речи. «Введение в татарское языкознание». Казань, 1953; Ф. Р. Зейналов. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959; Г. Ф. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках. ИСГТЯ, II, 1965; Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. «Вопросы грамматического строя». М., 1955; Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. ВЯ, 1952, № 6; У. Б. Алиев. Слово и части речи. Ученые записки КБГУ, вып. 7. Нальчик, 1960.

² О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 65.

сих пор не сложилось, хотя в целом в изучении грамматического строя карачаево-балкарского языка имеются значительные успехи. Опубликованные работы по отдельным частям речи, будучи в отдельности ценными исследованиями, к сожалению, не носят последовательный характер в трактовке частей речи. Это объясняется тем, что в последние годы практические потребности преподавания карачаево-балкарского языка в школах и вузах во многом превосходили успехи карачаево-балкарского языкознания, в силу чего процесс его исследования получил фронтальный характер, что, естественно, не способствовало созданию стройной и последовательной теории частей речи. Вполне понятно, что одним из важных этапов на пути к созданию научной грамматики карачаево-балкарского языка должно стать решение вопроса о классификации частей речи.

Исследователи современного карачаево-балкарского языка, которые так или иначе касаются вопросов дифференциации частей речи, исходят из общих классификационных критериев и считают, что надо учитывать семантические, морфологические и синтаксические признаки. Например, М. А. Хабичев пишет: «Каждая часть речи имеет свои характерные особенности, отличающие ее от остальных частей речи. Следовательно, к классификации частей речи нужно подходить не только с точки зрения общих критериев, но и учитывая особенности каждой части речи... Мы считаем, что классификацию частей речи в карачаево-балкарском языке нужно проводить по семантическим, морфологическим, синтаксическим признакам. Два первых признака следует признать основными в общем подходе. При определении отдельных частей речи одни критерии могут быть более решающими, другие—менее. Точно так же при делении отдельных частей речи на подгруппы решающими критериями могут быть различные признаки»¹. Другой исследователь карачаево-балкарского языка Х.-М. И. Хаджилаев также пишет: «Совершенно очевидно, что при выделении частей речи необходимо учи-

¹ М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 30—31.

тивать совокупность всех признаков, присущих им, — лексико-семантических, морфологических и синтаксических»¹.

В целом, присоединяясь к мнению о важности учета совокупности всех трех классификационных признаков, нам бы хотелось проконкретизировать некоторые обстоятельства этого «комплексного» подхода. В частности, опираясь именно на сумму этих признаков, следует помнить, что система частей речи каждого конкретного языка имеет свою специфику и что «...соотношение этих признаков в разных языках различно. Однако именно на основании учета всех этих признаков для каждого отдельного языка выделяется своя система частей речи, не всегда совпадающая с системой частей речи родственных языков и тем более языков неродственных. За пределами этой системы могут оставаться отдельные слова и группы слов, отражающие живые процессы перехода слов одной части речи в другую, развитие или отмирание отдельных грамматических категорий. Реальный языковой материал, факты должны определить грамматическую теорию»². Не следует считать все три признака равноценными при определении не только той или иной части речи³, но даже той или иной группы слов, относящейся к ней. То есть, признаки эти неравноценны не только при выделении частей речи в отдельных языках и даже не только при классификации их в пределах одного и того же языка, но даже при отнесении к той или иной части речи отдельно взятого слова или группы слов. С этой точки зрения, нам кажется, следует, наконец, установить степень при-

¹ Х.-М. И. Хаджилаев. Послелогии и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962, стр. 45.

² В. А. Аврорин, Р. А. Будагов и др. Вопросы составления описательных грамматик. ВЯ, 1953, № 4, стр. 13.

³ На это обратил внимание и Э. В. Севортян, он пишет: «Классификационные критерии не являются равноправными в применении к конкретной части речи: каждая часть речи имеет свои ведущие классификационные критерии, по отношению к которым остальные критерии являются дополнительными» (Статья «К проблеме частей речи в тюркских языках». «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 224).

годности того или иного критерия и его роли в стабилизации той или иной части речи. В пределах именных частей речи карачаево-балкарского языка, по нашему мнению, это можно представить следующим образом.

Для имени существительного ведущим критерием надо считать его обобщенное значение предметности, т. е. семантику слова. Морфологический признак имеет дополнительное, вспомогательное значение, потому что ни форма словоизменения, ни форма словообразования не могут сами по себе определить принадлежность слова к имени существительному, если в нем не обнаруживается конкретное или абстрактное значение предметности.

Например:

1. *адӀм* «человек» — имя. существ.

адамлыкӀ «человечность» — имя сущ.

2. *ай* «месяц» — имя сущ.

айлыкӀ «месячный, зарплата» — имя существ. || имя прилаг.

Слово с афф.-*лыкӀ* в первом случае является именем существительным, во втором случае оно омонимично может употребляться и в значении прилагательного, и в значении существительного. Таким образом, по наличию афф.-*лыкӀ* невозможно определить принадлежность слова к той или иной категории. Если слово с афф.-*лыкӀ* (или с любым другим аффиксом) обозначает предмет или отвлеченное название явления или процесса, то оно является существительным, если же слово при наличии того или иного аффикса обозначает признак качества, то оно является именем прилагательным. Однако, например, словоизменение представляет собой исторически сложившийся неотъемлемый признак существительных. Об этом говорит и то, что словоизменение для других именных частей речи (прилагательного, наречия, местоимения и числительного) является в той или иной степени субстантивирующим (опредмечивающим) средством. Как только имя прилагательное или наречие приобретает словоизменительную форму, оно непременно приближается к выражению предметности. Поэтому словоизменение является обязательной формальной чертой имени существи-

тельного, которая служит для конкретизации его предметного значения. Из системы же словообразования для определения имени существительного важны те средства, с помощью которых то или иное слово получило значение предметности (некоторые аффиксы и лексические средства). Синтаксический признак имеет второстепенное значение, ибо если слово по значению и форме является существительным, то оно не может не обладать синтаксическими признаками существительного.

Для прилагательного важным фактором является обобщенное значение атрибутивности, причем, атрибутивности отдельно взятого слова вне контекста. Признание атрибутивности в контексте создает немало разногласий в толковании некоторых определительных форм — сочетания имени существительного — определения и имени — определяемого. Мы имеем ввиду известные случаи, такие как *темир джол* «железная дорога», *агъач орундукъ* «деревянная кровать», *алтын сагъат* «золотые часы». Синтаксический уклон в вопросах классификации частей речи приводил многих исследователей к признанию первых элементов этих сочетаний относительными прилагательными, тогда как фактически они представляют собой не что иное, как сочетания имени существительного в синтаксической функции определения с определяемым именем¹.

В сфере имен прилагательных ярко проявляется та неравноценность классификационных принципов для различных групп слов внутри этой части речи, о которой мы говорили выше. То есть здесь мы имеем ведущее положение семантического признака для одной группы прилагательных, в то время как для другой части прилагательных решающим является форма слова. Наиболее характерно это проявляется на разграничении корневых, т. е. производных прилагательных и производных. Корневые прилагательные (*акъ* «белый», *къара* «черный», *сары* «желтый», *иги* «хороший», *ариу* «красивый», *къалын* «густой», *джукъа* «жидкий», *мийик* «высокий», *къысха* «короткий», *узун* «длинный», *ачы* «горький», *кенг* «широкий» и т. д. причисляются к

¹ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 207—211.

прилагательным только своим значением, не имея никаких формальных показателей. Они выделяются только способностью обозначать различные качества, свойства и признаки предметов.

В производных же прилагательных семантика слова является результатом сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Иначе говоря, значения признака или качества производных прилагательных (*акъыллы* «умный», *билимли* «образованный», *къарыусуз* «слабый», *кючлю* «сильный», *сакъаллы* «бородатый», *джазгъы* «весенний», *бузукъ* «испорченный», *юркек* «пугливый», *уялчакъ* «застенчивый», *къаратору* «гнедой», *акъбет* «белолычий», *къаралдым* «темноватый» и т. д.) исходят из формальной структуры слова, и поэтому существенное значение имеет в данном случае морфологический признак (словообразовательный).

Для местоимений при общем подходе важен прежде всего семантический критерий, ибо в системе местоимений нет ни одного словоизменительного или словообразовательного признака, который был бы присущ всем местоимениям в одинаковой степени или который был бы специфичной чертой только местоимений. Поэтому морфологические признаки не являются для местоимений категориальными признаками, они лишь осуществляют грамматическую связь местоимений с другими словами. Семантика же местоимения раскрывается в контексте. В отдельно взятом виде, будучи общим словом со значением лица или указания, местоимение раскрывает свое конкретное значение только в контексте. С этой точки зрения признается роль синтаксического признака при определении местоимения.

Числительные главным образом выделяются на основе выражения обобщенной идеи числа или количественного признака предмета. Но для них, как и для местоимений, важное значение имеет контекст употребления, ибо, как пишет К. М. Мусаев: «Числительные конкретизируются лишь в речи, обозначая количественный признак какого-нибудь предмета. Вне речи числительные обозначают понятия абсолютных и отвлеченных количественных величин, что и составляет их особое грамматическое значение»¹. Морфологические

показатели играют роль только при делении числительных на разряды. Именно на основе словообразовательных данных они делятся на: 1) количественные числительные; 2) порядковые числительные; 3) разделительные числительные; 4) собирательные числительные; 5) дробные и 6) приблизительные числительные. В целом морфологические признаки числительных не являются для них категориальными признаками.

Таким образом, по нашему представлению, устоявшееся в последние годы мнение о «комплексном» подходе к классификации частей речи, т. е. необходимости учета совокупности значения, формы и функции слова, в целом приемлемо и для карачаево-балкарского языка. Но роль каждого из указанных признаков далеко не равна в формировании отдельных частей речи. Общей для всех именных частей речи остается преобладающая роль значения слова, т. е. семантики. Все остальные признаки играют роль в той степени, в какой они способствуют утверждению этого значения и его конкретизации.

Принципы выделения наречия в самостоятельную часть речи в карачаево-балкарском языке тоже соотносительны с особенностями этого языка. Они складываются из общности и единства трех измерений: 1) лексического значения слова, что предполагает лексическую самостоятельность наречий, как слов со смысловым значением, указывающим на время, место, причину, цель и образ действия; 2) морфологической структуры наречий, которая складывается из: а) отсутствия форм словоизменения; б) наличия собственной системы словообразовательных средств; и в) соотносительности наречий с другими частями речи; 3) синтаксической функции обстоятельственного слова в предложении.

Необходимость учета всех этих принципов или, вернее, значимость комплексного подхода в сфере наречий проявляется как ни в одной другой части речи. Признаки наречий не только взаимосвязаны, но главное в том, что каждый из них важен по-своему, каждый из них играет особую роль в формировании

¹ К. М. Мусаяев, Грамматика карaimского языка. М., 1964, стр. 198.

этой части речи: при общности семантического критерия значение признака действия в разных грамматических ситуациях проявляется по-разному. Коротко роль каждого критерия можно охарактеризовать следующим образом.

I. Часть наречий, которые с точки зрения современного языка считаются первообразными или имеют в своем составе какие-то ныне непродуктивные архаические компоненты (*эртде* «давно, рано», *ары* «туда», *бери* «сюда», *энди* «теперь», *бурун* «прежде», *кюндюз* «днем», *учхара* «вскользь», *талай* «много, несколько», *ичкери* «внутри», *ёрге* «вверх» и др.) выделяются в особую группу в контексте и вне контекста, в любой ситуации только своим лексико-семантическим признаком. В данном случае все другие признаки становятся второстепенными, т. е. сам приоритет семантики порождает такие качества этих слов, как неизменяемость и функцию обстоятельства в предложении.

II. Часть производных наречий закрепляет за собой значение выразителей качества действий в результате сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Такими средствами в карачаево-балкарском языке являются аффиксы *-ча*, *-лай*, *-лей*, *-тын*, *-тин*, *-ры*, *-ри*, *-а*, *-е*. Присоединяясь к различным основам, эти аффиксы образуют наречия. То есть в сфере наречий это тот случай, когда словообразовательные приметы обычно являются и категориальными приметами, т. е. позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи¹. Речь идет о таких наречиях, как *эскича* «по-старому», *ачхалай* «деньгами», *бусагъатлай* «сейчас же», *акъыртын* «медленно», *алайтын* «по той стороне», *саулай* «целиком», *джашлай* «смолоду», *огъары* «вверху», *ичкери* «внутри», *телисине* «сдуру», *бошуна* «зря» и др. В данном случае можно сказать, что форма и значение слова являются как бы равноценными критериями, ибо, с одной стороны, форма как бы порождает наречное значение, а с другой, говоря словами Л. В. Щербы, «форма и значение неразрывно связаны друг с другом:

¹ Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 10.

нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит»¹.

III. Большая группа наречий (таких, как: *узакъда* «далеко», *онгда* «справа», *солда* «слева», *алгъа* «вперед», *артха* «назад», *ингирде* «вечером», *заманында* «вовремя», *кючден* «насилу», *джазгъыда* «весной», *джайгъыда* «летом», *бусагъатда* «сейчас», *анда* «там», *мында* «здесь» и др.), будучи формально связана со словоизменительными категориями различных частей речи, приобрела наречное значение благодаря только своей способности постоянно употребляться в синтаксической функции обстоятельств. Как видно из примеров, эти слова внешне представляют собой падежные формы имен существительных, реже — прилагательных. Главным отличительным их признаком является то, что их значение раскрывается только в контексте. Именно в составе предложения обнаруживается, что эти слова не имеют конкретного вещественного значения, а выражают различные обстоятельственные отношения и изолируются из системы словоизменения. Вот как пишет Н. К. Дмитриев о формировании наречий за счет морфологической изоляции имен существительных: «При каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным»². Таким образом, в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельств целый ряд слов утрачивает грамматические признаки имен и развивает в себе признаки новой грамматической категории — наречий.

¹ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 77.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 117.

Синтаксический признак является ведущим и при выделении таких сложных наречий, как *бираз* «немного», *бусагъат* «сейчас», *бжылла бла* «годами», *кёбден бери* «издавна», *кюн сайын* «ежедневно», *кёзюю-кёзюю* «поочередно», *ары-бери* «туда-сюда» и др.

По существу, определение содержания наречия, его сущности в карачаево-балкарском языке не может отличаться от того общего определения, которое сложилось традиционно. Н. К. Дмитриев писал: «Ведь к каждому, даже впервые изучаемому языку, мы неизбежно подходим с точки зрения определенной грамматической категории. Если та или иная языковая форма представляет нечто новое, то она тем самым пополняет имеющуюся грамматическую схему. Такое единство языкового метода, единство языковых определений является наиболее эффективным средством, которое позволяет анализировать специфику грамматического строя, во всей широте его проявлений по отдельным языкам»¹.

Итак, наречия в карачаево-балкарском языке представляют собой самостоятельный разряд слов, выделяемых на основе специальных лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков. С лексико-семантической точки зрения они служат для качественной характеристики действия или состояния и выражают временные, пространственные, обстоятельственные, причинно-целевые и другие отношения. Морфологически они неизменяемы, имеют ряд специфических словообразовательных формантов и этимологически соотносительны с другими частями речи. Синтаксически наречия выполняют обстоятельственную функцию и определяют глагол-сказуемое.

2. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В ОБЛАСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, наряду с обычной лексической омонимией (*къагъыт* «бумага», *къагъыт* «документ», *къагъыт* «письмо», *сагъат* «часы», *сагъат* «час» и др.) су-

¹ Н. К. Дмитриев. Наречие в татарском и русском языках. «Строй тюркских языков». Л., 1962, стр. 44.

ществует определенное число слов, представляющих собой лексико-грамматическую омонимию. Это слова, которые в различных контекстах могут быть разными частями речи. Различие между лексической омонимией и лексико-грамматической заключается в том, что при лексической омонимии одно и то же слово может обозначать различные понятия внутри одной и той же части речи (известный пример: *ат* «лошадь», *ат* «имя»). При лексико-грамматической омонимии одно и то же слово обозначает различные понятия, грамматически выражаемые разными частями речи: *исси* «жара» (имя существительное), *исси* «жарко» (наречие) и *исси* «горячий» (имя прилагательное); *къарт* «старый» (имя прилагательное и *къарт* «старик» (имя существительное) и т. д. Это явление известно и в русском языке. Акад. В. В. Виноградов писал по этому поводу: «Только предвзятая, оторванная от живой речи мысль лингвиста может не заметить пропасти между этими грамматическими омонимами в современном русском языке: сберечь тепло; тепло одеть ребенка...» (В. В. Виноградов. «Русский язык». М.-Л., 1947, стр. 344).

Эта группа слов создавала и создает немало трудностей в деле классификации частей речи в тюркских языках. По общему признанию тюркологов, в области именных частей речи оно является признаком их слабой дифференциации между собой. На наш взгляд, одной только констатации этого факта уже недостаточно, настало время четко выделить этот круг слов в каждом конкретном языке и определить их особенности, ибо дифференциация частей речи—это процесс динамический. И если часть слов (лексико-грамматических омонимов) в современном языке свидетельствует о слабой дифференциации каких-либо частей речи между собой, следовательно, по нашему представлению, это слова, которые претерпевают процесс перехода от одной части речи к другой. Можно было бы думать, что переход этот когда-либо завершится и все слова «встанут на свои места». Однако известно, что большая часть лексико-грамматических омонимов образована в результате расширения значений одних и

¹ Ф. Г. Исхаков. Имя прилагательное. ИСГТЯ, II. М., 1956.

тех же слов¹. Например, *кёк* «синий, голубой, небо», *къара* «черный, мишень», *къарангы* «темный, темнота».

Ф. Г. Исхаков пишет: «Не касаясь вопроса о том, какие из этих значений данных слов первичные и какие вторичные, мы лишь констатируем тот факт, что в татарском языке слово, означающее «синий», омонимично со словами, означающими «голубой» и «небо», между которыми имеется очевидная семантическая связь и которые безусловно получились в результате расширения, а затем и расщепления значения одного и того же слова»². Надо сказать, что этот процесс живой, и в перспективе язык не огражден от развития омонимии подобным образом. Поэтому, надо думать, существование лексико-грамматической омонимии является не только результатом слабой дифференциации частей речи, которая еще не завершена, оно является следствием постоянного развития языка, следствием процессов взаимовлияния его категорий и форм.

Лексико-грамматическая омонимия в области именных частей речи карачаево-балкарского языка проявляется в следующих сферах:

- 1) лексико-грамматическая омонимия в пределах имени существительного и прилагательного;
- 2) лексико-грамматическая омонимия в пределах имени существительного, прилагательного и наречия;
- 3) лексико-грамматическая омонимия в пределах имени прилагательного и наречия;
- 4) лексико-грамматическая омонимия в пределах наречий и местоимений.

Самой распространенной формой омонимии в области именных частей речи карачаево-балкарского языка является лексико-грамматическая омонимия между именами существительными и прилагательными. Эта группа омонимов охватывает наибольшее количество слов, которые, взятые в отдельности, т. е. вне контекста, осознаются и как существительные, и как прилагательные. Путаница в разграничении существи-

¹ Ф. Г. Исхаков. Имя прилагательное. ИСГТЯ, ч. II, М., 1956, стр. 144.

² Там же, стр. 145.

тельных и прилагательных часто создается из-за того, что, с одной стороны, к прилагательным приравниваются обычные существительные, которые выступают в функции определений к другим существительным:

1. *алтын сагъат* «золотые часы», *кюмюш къашыкъ* «серебряная ложка», *агъач кёпюр* «деревянный мост» и др. Подобного рода определительные сочетания не имеют отношения к омонимии в области имен прилагательных и существительных по той простой причине, что первые компоненты не выражают атрибутивных отношений, т. е. не обозначают признака, а осознаются только как предметные понятия. Но признавая эти определительные слова именами существительными, а не прилагательными, некоторые исследователи вообще отрицают существование омонимии в области имен существительных и прилагательных. Другие же к омонимии относят все формы субстантивации прилагательных и адъективации существительных. Но субстантивация, адъективация, адвербиализация—это процессы временного и непостоянного перехода одних частей речи в другие. Поэтому главной чертой омонимичности слова (существительного II прилагательного), на наш взгляд, является его постоянная способность вне контекста сочетать в себе и значение предметности, и значение признака. С этой позиции к словам-омонимам, относящимся одновременно и к существительным, и к прилагательным, в карачаево-балкарском языке мы относим следующие слова:

Непроизводные:

акъ «белый, бельмо»

кёк «синий, небо»

джаш «молодой, парень»

къарт «старый, старик»

джити «острый, острие» (вершина горы)

сокъур «слепой, слепец»

джарыкъ «светлый, свет»

кийик «дикий, дикое животное»

къотур «чесотка, чесоточный, болячка, короста»

чыгыр «парша, плешивый»

кир «грязный, грязь»
тели «глупый, глупец»
алаша «низкий, лошадь»
тик «крутой, круча»
бай «богатый, богач»

Производные:

таулу «гористый, горец»
кзоркзакъ «трусливый, трус»
махтанчакъ «хвастливый, хвастун»
эринчек «ленивый, лентяй»
татлы «сладкий, сладость»
алакёз «сероглазая», собств. имя—Алакёз
алачыкъ «серенький», собств. имя—Алачыкъ
насыблы «счастливый, счастливец»
тёбеннги «нижний, северный ветер»
салкзын «прохладный, холодок»

Примеры на проявление лексико-грамматической омонимии между существительными и прилагательными в предложении:

1. *Джаз эртеннгиде джаш терекчикле чайкзаладыла.* «Весенним утром молодые деревья покачиваются от легкого ветра».

2. *Назмуланы окъугъан джаш бизни пахмулу поэт-лерибизни бириди.* «Парень, который читал стихи, — один из наших лучших поэтов».

II. Следующей группой лексико-грамматических омонимов являются слова, которые, взятые отдельно, внесвязи с другими словами, в сознании вызывают представление и о признаке, и о предметности, и о качестве действия. Эти слова можно отнести к группе лексико-грамматической омонимии в сфере имени существительного, прилагательного и наречия. Сюда мы включаем такие слова, как:

сууукъ «холод, холодный, холодно»
джылы «тепло, теплый, тепло»
исси «жара, жаркий, жарко»
кзарангы «темнота, темный, темно»

джарыкъ «свет, светлый, светло»
тюз «равнина, ровный, ровно»
къыйын «труд, трудный, трудно»

1. *Джаз болду, сууукъ къорады.* «Пришла весна, ушёл холод».

2. *Сабийге сууукъ сууну ичирирге джарамайды.* «Ребенку нельзя давать холодную воду».

3. *Ишге сууукъ къарагъандан кёб хата болады.*

III. Не менее развитой формой лексико-грамматической омонимии является омонимия в области имен прилагательных и наречий. Очень многие слова, будучи по происхождению прилагательными, вне контекста одновременно совмещают представления и о признаке предмета, и о признаке качества:

дженгил «легкий, легко»
тынч «легкий, легко»
туура «прямой, прямо»
иги «хороший, хорошо»
аман «плохой, плохо»
таза «чистый, чисто»
терен «глубокий, глубоко»
кючлю «сильный, сильно»
ачыкъ «открытый, открыто» и другие.

1. *Иги окъугъай студентле къыш Москвага барлыкдыла.* «Хорошо учившиеся студенты зимой поедут в Москву».

2. *Иги адам деб айтадыргъан тынч туйюлдю.* «Не легко завоевать имя хорошего человека».

3. В области наречий и местоимений также наблюдается лексико-грамматическая омонимия, но она развита менее, чем в вышеуказанных случаях:

Например: *алай* «так, таким образом».

былай «вот так, вот таким образом»

анда «там»

мында «здесь»

ары «туда»

бери «сюда».

ГЛАВА II

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРЕЧИЙ

1. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ НАРЕЧИЙ

Принято считать, что наречие в тюркских языках является «относительно новой категорией, в недалеком прошлом слабо дифференцированной с именами существительными и прилагательными»¹.

Однако наречие как одно из конкретных средств выражения мысли в языке бытовало на довольно ранней стадии развития тюркских языков. Параллельно с другими именами и глаголами наречия входили в грамматическую структуру древнетюркских языков и служили для выражения отвлеченного-обстоятельного значения.

Например, в памятниках древнетюркской письменности, представленных в известных работах С. Е. Малова², обнаруживаются довольно разнообразные по форме и значению типы наречий, которые в достаточной степени убеждают, что наречие, так же как и другие знаменательные слова (существительные, прилагательные, глагол и т. д.), является древней языковой категорией. Вот некоторые из них.

Наречия — формы дательного-направительного падежа

<i>илгӱрю</i> «вперед»	<i>йагӱрю</i> «близко»
<i>бергӱрю</i> «на юг, к югу»	<i>кирю</i> «назад»
<i>йыргӱрю</i> «слева»	<i>йогӱрю</i> «высоко, вверх»
<i>курыгӱрю</i> «позади»	<i>йантуру</i> «снова»
<i>ичрӱ</i> «внутри»	<i>авгӱрю</i> «домой»
<i>татра</i> «снаружи»	<i>берийа</i> «направо»

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952, стр. 218.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Другие типы наречий — падежных форм

<i>анта</i> «там, тогда»	<i>təpāsinta</i> «сверху»
<i>бунта</i> «здесь»	<i>йазынта</i> «весною»
<i>башынта</i> «наверху»	<i>кзанта</i> «откуда»
<i>анча</i>	<i>антаггы</i> «столько»
<i>бунча</i> «столько»	

Сложные наречия

<i>кюнтюз</i> «днем»	
<i>йадаггын—йалангын</i>	«пешим, босым»
<i>кюн йеме, тюн йеме</i>	«и днем, и ночью»
<i>кюн орту</i> «в полдень»	
<i>тюн орту</i> «в полночь»	

Вместе с тем, сопоставление материалов памятников с данными современных тюркских языков дает убедительные результаты, свидетельствующие о естественном проявлении законов диалектики в языке, который, по определению классиков марксизма-ленинизма, является «непосредственной действительностью мысли»¹. Известно, что развитие мышления человека и его познавательной деятельности, развитие общественных отношений ведут к дифференциации языковых форм и усовершенствованию грамматического строя языка. Идет постоянный процесс отмирания старых форм и способов выражения мысли и появления новых средств обмена между людьми.

Исторические закономерности развития лексики тюркских языков в области наречий так же ярко свидетельствуют о проявлении этих законов, как и в области других грамматических категорий. Даже при самом беглом сравнении отдельных форм и значений древнетюркских наречий с наречиями современных тюркских языков мы обнаруживаем разительные подтверждения этого положения. Развитие и совершенствование лексики тюркских языков в области наречий шло самыми разными путями, одни формы отмирали, другие возрождались. Обзор небольшого материала

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV. 1937, стр. 434.

из лексики древнетюркских памятников раскрывает, что распространенной формой передачи наречного значения была форма дательно-направительного падежа на *-гъары, -къары, -кери, -ра, -рв*. В современных тюркских языках эти же значения передаются формами и других падежей тех или иных имен, в результате употребления потерявшими свои первоначальные значения и приобретшими значения наречий.

В большинстве случаев значения древнетюркских наречий — форм дательно-направительного падежа на *-къары, -кери* и т. д. в современных тюркских языках передаются видоизмененными первоначальными основами. Например, др. т. *ăvgărju* «домой» (от *ăv*—совр. кбалк. *юй*) в современных языках получило усечение конечного *-рю*, и значение направленности передается формой на *-га*: *-ойга, -уйга, юйге* и т. д.

Во многих случаях на месте первоначальных форм и основ, передающих наречное значение, в современных языках появились новые формы, не похожие на прежние. Так, значение понятий «справа» и «слева» в древнетюркских памятниках передается словами *берийа* и *йыргъару*. В современных тюркских языках эти значения передаются совершенно отвлеченными понятиями *онгда* «справа», *солда* «слева».

Остаток прежней формы древнетюркского *бергърю* «на юг, к югу» сохранился в карачаево-балкарском языке в словосочетании *бир джары* в значении «куда-нибудь».

Следует сказать, что развитие формы наречий на *-къары, -кери, -ры, -ри* не было продуктивным. Каждый из тюркских языков приобретал свои пути пополнения лексики в области наречий. Но определенный слой наречий на *-къары, -кери* и т. д. в большей или меньшей степени сохраняется в словарном составе каждого языка, свидетельствуя об устойчивом бытовании этой группы слов с древнейших времен. Больше всего следы этой формы сохранились в алтайском языке: *йаскъары* «весной», *кюскъары* «осенью», *ичкери* «впереди», *къайра* «назад», *кедери* «подальше, вглубь», *тескери* «наоборот, наизнанку», *тышкъары* «наружу, вне», *учкъары* «вконец», *энгиргери* «вечером» и др.

В карачаево-балкарском языке также имеются остатки этой формы: *ары* «туда», *бери* «сюда», *ичкери* «внутри», *кери* «прочь», *тышкъары* «наружу», *учхара* «вскользь», *огъары* «высоко».

Надо отметить, что материалы древнетюркских памятников V—VIII вв. очень убедительно свидетельствуют и о том, что уже на ранней ступени развития тюркских языков существовали многие формы, по образованию являющиеся «прототипами» современных тюркских наречий. Например, наречия, представляющие собой омертвелые падежные формы, составляли значительный слой древнетюркских наречий. Это такие наречия, как др. т. *анта* — совр. *анда* «там», *бунта* — совр. *бунда*, *мунда* «здесь», *башынта*—*башында* «наверху» *къантан* — *мындан* «откуда».

Существовали и некоторые аффиксальные формы наречий, например, наречия, образованные посредством афф. *-ча*, такие, как др. т. *анча*, *бунча* «столько», *антагъ* «столько» — это древняя форма современных наречий, образованных с помощью *-тай*, *-дай*, *-лай*, *-лей*. Эта форма убедительнее других доводов свидетельствует о том, что аффиксы *-тай*, *-дай*, *-лай*, *-лей* по происхождению связаны со словом *тенг* «равный». Это слово, постоянно употребляясь с различными именами, вместе с ними выражая идею сравнения, качественного сопоставления, на каком-то этапе развития языков слилось с предшествующими компонентами и превратилось в аффикс, который затем приобрел различные фонетические варианты в разных языках¹.

Бытовали в языке древних тюрков и сложные наречия, представляющие собой различные сочетания лексических единиц, в совокупности выражающие наречные значения. Это такие наречия, как: *кюн йеме*, *тюн йеме* «и днем и ночью», *кюн орту* «в полдень», *тюн орту* «в полночь» и другие.

¹ Относительно происхождения афф. *-лай*, *-лей* научный редактор книги Х. И. Суюнчев придерживается иной точки зрения. Он считает, что афф. *-лай*, *-лей* деепричастного происхождения (*ачхалай* «деньгами» восходит к деепричастию от глагола *ачхаларгъа* «превратить в деньги»).

Таким образом, уже в памятниках V—VIII вв. мы встречаем разнообразие конструктивных типов наречий, что свидетельствует о их широком функционировании в древнетюркских языках.

Дальнейшее развитие лексики тюркских языков в области наречий свидетельствует о расширении сферы их употребления, о развитии и усовершенствовании лексической и грамматической структуры этой категории слов в связи с потребностями пользования, обусловленными различными процессами общественного развития.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ НАРЕЧИЙ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ

По своему происхождению наречия во всех современных тюркских языках делятся на первообразные и производные¹.

Первообразные наречия — это наречия, которые с точки зрения современных языков представляют собой слова, неразложимые на отдельные морфемы, не имеющие при себе никаких формальных показателей и согласно своим лексико-семантическим и грамматическим свойствам употребляющиеся всегда в наречном значении. Неразложимость первообразных наречий на составные элементы в некоторой степени условна, ибо, по признанию многих ученых, «наречия, неразложимые с точки зрения современного языкознания, исторически были производными»². По словам Ф. Г. Исхакова и Н. А. Пальмбаха, «каждое из этих слов имеет свою собственную длительную историю фонетического, лексико-семантического и грамматического развития, для нас малоизвестную или совершенно неизвестную. Мно-

¹ По свидетельству Е. М. Галкиной-Федорук, эти термины впервые установлены Мелетием Смотрицким в его «Грамматике славенской...» 1619 года. См.: Е. М. Галкина-Федорук. Наречие в современном русском языке. М., 1939, стр. 7.

² А. Дж. Шукуюров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. Тюркологический сборник. М., 1966, стр. 137.

гие из них в современном языке неразложимы на составные морфологические части, а у тех, которые так или иначе могут быть разложены на такие части, иногда оказывается, что корневая или аффиксальная части в современном языке отдельно не употребляются или употребляются в совершенно ином звучании¹.

Большинство первообразных наречий имеет общее распространение во всех тюркских языках. Основные из них следующие:

ары «туда» — кбалк., тат., караим., ног., кирг., алт., *ары* — каз., *ынаар* — тув., *нери, нерига* — уйг., *ора, орая* — азерб., *олере* — турк., *орайы* — гагауз;

бери «сюда» — кбалк., караим., ног., башк., ккалп., кирг., алт., *бирә* — тат., *бери* — каз., *буерге* — кум., *бэяр* — тув., *буйага* — уйг., *бу ерга* — узб., *бура* «бурая» — азерб., *бери, берийе* — турец., *барик, бари* — турк., *бурайы* — гагауз;

аз «мало» — кбалк., тат., ккалп., кум., караим., ног., кирг., уйг., азерб., туркм., гагауз., *аз* — башк., *ас* — алт., *оз* — узб.; *аз* — турец.;

кёб «много» — кбалк., *куп* — тат., башк., узб., *кёп* — каз., кирг., уйг., ккалп., кум., караим., алт., *коьп* — ног., *коьп* — ног.;

энди «теперь, ныне, сейчас» — кбалк., караим., кум., ног., узб., *инде* — тат., *инди* — азерб., *енди* — ккалп., *эмди* — алт., уйг., *ам* — тув., *шимди* — турец., *шинди* — гагауз.;

эрте «давно, рано» — кбалк., *эрте* — кум., ног., тув., алт., *арте* — кирг., *ертя* — караим., *ёрте* — ккалп., *ирта* — тат., башк., *еркен* — турец., *ир* — турк., гагауз.;

бек «очень» — кбалк., ног., кум., уйг., *бик* — тат., башк., *пек* — турец., гагауз.;

бурун «раньше, прежде» — кбалк., тат., ккалп., караим., башк., тув., уйг., узб., гагауз., *бурын* — ног., *мурун* — кирг.;

дайым «постоянно» — кбалк., ккалп., *даим* — кум., азерб., *дайим, хар дайым* — уйг., *доим (хардоим), дои-*

¹ Ф. Г. Исхаков, Н. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, М., 1961.

мо — узб., *ардайым* — каз., *аьр дайым* — ног., *ар дайым* — кирг., *дацма* — турец., *даима* — гагауз., *йаантайым* — алт.;

къачан «когда» — кбалк., кум., *къашан* — каз., ккалп., *къачон* — уйг., узб., *хачан* — азерб., *хачан* — турк., караим., *касан* — башк., *качан* — кирг., *кажан* — тув., *къачон* — уйг., узб., *хачан* — азерб., *хачан* — турк.;

ичкери «внутри» — кбалк., *ишкери* — каз., ног., *ачка* — тат., *ичге* — кум., *ичкири* (*ицкири*) — караим., *ишине* — ккалп., *эсенй* — башк., *ичине* — тув., туркм., *ишкээр* — алт., *ичига* — уйг., *ичга* (*ичкарига*) — узб., *ичарийа* — азерб., *ичери* (*ичерийе*) — турец., *ичери* — гагауз.;

ёрге «вверх» — кбалк., *оьрге* — кум., *югарыга* — тат., *ёрге* (*жогъары*) — каз., *жогъары* — ккалп., *йогъаррых* — караим., *йогарыга* — ног., *югъарыгъа* — башк., *жогъору* — кирг., *ёрю* — тув., *ёрё* — алт., *жукъури* — уйг., *юкъорига* — узб., *юхары* — азерб., *уикари* (*уикарийа*) — турец., *екарлыгына* — турк., *йукары* — гагауз.;

кюндюз «днем» — кбалк., ккалп., караим., *кёндез* — тат., *кундиз* — каз., *гюндюз* — кум., *куьндиз* — ног., *кёндёз* — башк., *кундуз* — кирг., узб., уйг., *кундуз*, *хундус* — тув., *гюндюз* — турец., *гундиз* (*гундизине*) — турк., *гюндюзюн* — гагауз.

Кроме того, каждый конкретный язык имеет определенное число первообразных наречий, которые являются специфичными для данного языка или имеют частичное распространение в других языках. В карачаево-балкарском языке такими являются: *талай* «много, несколько», *тамам* «ровно, в пору», *туура* «прямо», *асыры* «слишком», *учхара* «вскользь», *кесгин* «четко» и др. Первообразные наречия являются частью исконной лексики тюркских языков. Их происхождение связано с процессами исторического развития всех тюркских языков, с особенностями исторических судеб народов — носителей этих языков. Однако этимологизация первообразных наречий давно привлекает внимание ученых, как зарубежных, так и исследователей нашей страны.

Существует большое количество различных гипотез относительно происхождения как отдельных первообразных наречий, так и различных их элементов, кото-

ые не поддаются этимологизации с точки зрения современной структуры тюркских языков¹.

Например, после долгих дискуссий ученые установили, что элементы *-ра*, *-ре*, *-ры*, *-ри* (с вариантами в разных тюркских языках в составе таких слов, как кбалк. *ары*, *бери*, *ичкери*, *учхара* являются не чем иным, как остатками форм древнего дательного-направительного падежа. На самом деле, как мы видели выше, распространенной формой наречий в древнетюркских языках была форма с элементами *г̃арю* (др. т. *илг̃арю* «вперед», *йог̃арю* «вверх», *авг̃арю* «домой»), *г̃зару* (др. т. *к̃зурыг̃зару* «позади», *йырг̃зару* «слева»), *-ра*, *-ре* (др. т. *асра* «внизу», *йаг̃зру* «вплотную», *ичра* «внутри», *ташра* «снаружи», *йантуру* «снова») и т. д. А происхождение самих аффиксов *-ра*, *-ре*, *-ры*, *-ри*, *-ру* ученые связывают со словом *йер* «место»². Часть же ученых считает, что указанные элементы в разных словах имеют разное происхождение и отнюдь не являются вариантами одного и того же аффикса. Так, например, Ф. Д. Ашнин на основе анализа большого числа гипотез и на материале азербайджанского, гагаузского, крымско-татарского и турецкого языков доказывает, что *-ра*, *-ре* нельзя ставить в связь с падежной формой на *-ру*, *-ри*, а следует считать его усечением слова *ара* «середина, промежуток». Нам кажется, что гипотезы о происхождении указанных элементов из *йер* или *ара* не являются столь противоположными, ибо эти слова синонимично выражают значение пространства, места, промежутка. Вполне вероятно, что в результате постоянного длительного совместного употребления в значении выражения направления или места эти слова могли слиться с предшествующими основа-

¹ Анализ литературы по этим вопросам см. в работах: Ф. Д. Ашнин. Об этимологии имени типа бура — «это место». «Тюркологические исследования». М.-Л., 1963, стр. 95-105; Л. С. Ефимова. О некоторых аспектах проблемы наречия в современном турецком языке. «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 115; А. Дж. Шукюров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 137.

² А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики. Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.-Л., 1935, стр. 36.

ми и превратиться в аффиксы специального направительного значения. Интересно только то, что афф. *-ра*, *-ре*, *-ри* и т. д. в памятниках бытуют как присоединенные к чистой основе—корню (*асра* «внизу», *ичра* «внутри», *ташра* «снаружи»), так и к основе дательного падежа (*илгӱрю*, *бергӱрю*) и т. д. Судя по тому, что вторая группа слов представлена в памятниках в большем количестве, чем первая, можно думать, что она ближе стоит к первоначальному состоянию развития этой части лексики. А если исходить из того, что в современных языках больше представлена первая группа слов, чем вторая, то надо считать, что в дальнейшем развитие состава наречий в этой части шло в сторону стяжения корня и афф. *-ра*, *-ре*, *-ри* и т. д., т. е. усечения элемента дательного падежа. Именно так, по всем данным, и произошли современные *ары*, *бери* и *кери*: *ары-ал* (*ол*) «он, тот»+*гӱ* *йерю* «место»>*алгӱрю* *алрю*>*арю*>*арю*>*ары* «туда, в ту сторону»;

бери-бу «этот»+*га*+*йерю* «место» (ср. др. т. *берийа* «направо»), *бу*+*йерю*>*берю*>*бери* «сюда, в эту сторону»;

кери-кенг «широкий»+*йерю* «место»>*ке йерю кери* «прочь».

А вот современные кбалк. *ичкери* «внутри» и *учхара* «вскользь» сохраняют в своем составе аффикс дательного падежа и состоят из:

ич «внутренность»+*ге*+*йерю* «место»>*ич+ке*+*йерю*>*ичкери*; *уч* «конец», *га йерю* «место»>*уч га*+*йерю*>*уч+ха*+*йерю*>*учхара* «вскользь».

К древнейшему слою лексики карачаево-балкарского языка относятся и такие исконные наречия, как *талай* «много, несколько», *кюндюз* «днем», *дайым* «постоянно», *тюнене* «вчера», *энди* «теперь», *эртде* «рано, давно», уйг. *талай*, *бирталай*, узб. *бирталай*.

Казалось бы, что этимология этого слова относительно прозрачна, ибо составным элементом его является словообразовательный наречный аффикс *-лай*, а *та* мог быть остатком какого-то имени с собирательным значением. Но в «Древнетюркском словаре» это слово дано статьей: ТАЛАЙ (монг. *далай*) «океан, море, большая

река»¹. Это наталкивает на мысль, что изначальным выражением понятия множества или большого количества могло быть переносное значение именно ТАЛАЙ как «океан, море», т. е. «много, множество».

Происхождение слова *дайым* «постоянно» для нас неясно. Может быть, оно является древнейшим заимствованием.

Кюндюз «днем», реже «день» — это слово в постоянном значении наречия в разных фонетических вариантах встречается почти во всех тюркских языках. При установлении его этимологии, нам кажется, надо исходить из его формы *кюнтюз*, в которой оно встречается в памятниках древнетюркской письменности, и тогда может оказаться, что *кюндюз* — *кюн* «солнце», + *тюз*, «прямо», т. е. это время дня, когда солнце стоит прямо, а не находится на восходе или на закате.

Существует мнение и о происхождении наречия *энди* «теперь». В «Грамматике тувинского языка» Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха пишется следующее: «Неосомненно, что все эти слова (имеются в виду варианты *энди* в тюркских языках — С. Г.) происходят от *ам/ам*, этимология которого неизвестна. Учитывая такие выражения, встречающиеся в тувинском языке, как *амга чедир* «до сих пор, до настоящего времени», *амдан эгелээш* «отныне» (букв. «начиная с настоящего времени»), в которых *ам* употребляется с падежными аффиксами, можно сделать вывод, что *ам* первоначально имело значение существительного, употреблявшегося в значении «настоящее время»².

Такова характеристика первообразных наречий. Все остальные наречия называются производными. Производными являются все наречия, которые семантически и по своему морфологическому оформлению связаны с другими частями речи. В карачаево-балкарском языке большое количество производных наречий. Пути их образования рассматриваются в специальном разделе.

¹ Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969, стр. 528.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка, М., 1961, стр. 419.

Здесь следует отметить, что карачаево-балкарский язык объединяет с другими тюркскими языками значительная общность лексики в области производных наречий. Как и в сфере первообразных наречий, здесь имеется большое количество слов, которые с малыми фонетическими отклонениями имеют общетюркское распространение, что во многом подтверждает общность закономерностей развития лексики тюркских языков в области наречий. Приведем несколько наиболее широко бытующих в карачаево-балкарском языке производных наречий, которые имеют свои варианты в других тюркских языках:

анда «там» — кбалк., караим., ног., кирг., алт., *онда* — каз., кум., *сонда* — каз. (вариант *онда*), ног. (вариант *онда*), *унда* — башк., узб., *ында* — тув., *орада* — азерб., *ордагагауз*;

алгъа «вперёд» — кбалк., каз., ккалп., кум., *алга* — тат., кирг., *алга* — башк., уйг., *алдыга* — ног., *алынгъа* — караим., *олгъа* — узб.;

алай «так, таким образом» — кбалк., караим. (вариант *алай*), *шулай* — тат., башк., (вариант *улай*), *солай* — каз., ккалп. (и *сондай*), ног., *шолай* — кум., *шундакъ* — уйг., *шундай* — узб., *шэйле* — туркм.;

акъыртын «медленно, тихонько» — кбалк., (вариант *акъырын*), *акрын* — тат., *акыртын* — караим., *акырын* — караим. (вариант *акыртын*), ног., кирг., *акырын* — каз., *акрын* — башк. (вариант *акрен*);

былай «так» — кбалк., каз., *шулай* (вариант *булай*) — тат., башк., *сондай* (варианты *солай*, *усындай*, *усылай*) — ккалп., *шолай* — кум., *булай* (вариант *булай*) — караим., *шундакъ* — уйг., *шундокъ* (варианты *шундай*, *шунакъа*, *бундай*, *бунакъа*) — узб.;

бирден «сразу» — кбалк., ккалп., каз., кум., караим., ног., турк., турец., *биреден* — тат., *бирланг* — уйг., *бирдан* — азерб., *бирде* (*бирден*) — гагауз.;

бирге «вместе, совместно» — кбалк., каз., ккалп., кум., ног., *бергъа* — тат., башк., *биргя* — караим., (вариант *бирге*), *биргъа* — уйг., *бирга* — узб., *бирликдъ* — азерб., *бирликте* — турец., *бирерде* — гагауз.;

бошуна «зря, попусту» — кбалк., гагауз.; *босына* — ног., *босуна* — турец., *бушка* — тат., *боскъа* — ккалп., каз., *бюгюн* «сегодня» — кбалк., кум., караим., уйг., алт.,

буген—тат., *бугин*—каз., *бугюн*—ккалп., *буъгуьн*—ног., *бёгён*—башк., *бугун*—кирг., узб., *бёгун*—тув., *бу кюн*—азер., *бюгюн* (или *бюйюн*)—турец., *шу гюн*—турк., *бююн*—гагауз.;

бийыл «в этом году»—кбалк., ккалп., кум., ног., караим., башк., кирг., уйг., узб., гагауз.; *биел*—тат., *биыл*—каз., *бо чыл*—тув., *бу йыл*—алт., турк., *бу ил*—азерб.;

былтыр «в прошлом году»—кбалк., тат., каз., ккалп., ног., башк., кирг., алт., узб., *былдыр*—караим., гагауз., *билдир*—турец., *бултур*—уйг.;

бирча «одинаково»—кбалк., кум., караим., *бердäи*—тат., *бирдей*—каз., ккалп., ног., кирг., *берзей*—башк., *бирдäк*—уйг.;

бираз «немного» — кбалк., кум., ног., турк., гагауз., турец., кирг., *бир аз*—уйг., азерб., *бир оз*—узб., *браз*—ккалп., *бераз*—тат., *бераз*—башк.;

джангыдан «снова» — кбалк., *янгадан*—тат., *жангадан*—каз., *къайтадан*—ккалп., кирг. (вариант *жангыдан*), каз., *ялгыдан*—кум., *йана*—караим., *кайтарадан*—ног., *янгынан* (*йәнә*)—башк., *йангыдан*—алт., *йенгидин*—уйг., *яна*—узб., *енидäн*—азерб., *йениден*—турец., *ене* (*янгадан*)—турк., *енидäн*—гагауз.;

джашыртын «тайком» — кбалк., *яшертäн*—тат., *жасырын* (*астыртын*)—каз., *джасырын*—ккалп., *яшыртгынлап*—кум., *йашыртын* (*йашырын*)—караим., *ясыртын* (*ясыртыннан*)—ног., *йäшерен* (*астыртын*)—башк., *жашырын*—кирг., *йажынып*—алт., *яширикъча*—узб.;

джангыча «по-новому» — кбалк., *янгача*—тат., *жангаша*—каз., ккалп., *янгыча*—кум., *йанача*—караим., *янгыдай*—ног., *янгызей*—башк., *жангыча*—кирг., *йангыдан*—алт., *йänгичä*—уйг., *янгича*—узб., *йенича*—турец., *енийжесына*—гагауз.;

джартылай «наполовину» — кбалк., *яртылай* (*ярымлай*)—тат., *жартылай*—каз., *яртысына* (*яртылай*)—ног., *йарымдай*—алт., *йеримдäк*—уйг., *яртыгина*—узб., *йарий* (*йартийа*)—турец., *яртылайын*—гагауз.

Можно было бы привести параллели в других, тюркских языках еще большего числа производных наречий, таких как *джашлай* «смолоду», *джууукъда*.

«близко, вблизи», *зордан* «через силу», *кючден* «силой», *заманында* «вовремя», *къысхача* «вкратце», *кзурулай* «всухую, всухомятку», *къарангыда* «впотьмах», *мында* «здесь», *орусча* «по-русски», *узакъда* «далеко, вдали» и т. д., свидетельствующих об общих закономерностях развития лексики тюркских языков в области наречий. Однако эта общность в лексическом отношении не означает полную идентичность в структуре тюркских наречий вообще. Наоборот, при близком рассмотрении конкретного материала оказывается, что каждый из тюркских языков имеет многообразие особенностей в формировании этой части речи, в природе ее морфологической структуры и синтаксических признаков, которые раскрывают новые специфические стороны строя данного языка.

3. РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ

Все окружающие нас предметы и явления взаимосвязаны с пространством и временем. „В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени“¹.

Соотношения предметов и явлений в пространстве и времени осуществляются в различных действиях. Наличие любого действия всегда предполагает наличие субъекта и объекта действия. Соотношения между субъектами и объектами, выступающие в форме различных действий, бывают связаны с количественными и качественными показателями. В языке выразителями этих качественных и количественных соотношений между предметами-явлениями и действиями являются наречия. Как определители качества действия наречия указывают на обстоятельства, при которых оно протекает: на время, место, способ, причину и цель его протекания. Количественная характеристика действия заключается в определении меры действия, его гра-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. V, т. 14, стр. 162.

ниц. Соответственно этому, по семантике, т. е. по смысловому значению, наречия принято делить на определенные разряды:

1. Наречия образа действия.
2. Наречия времени.
3. Наречия места.
4. Наречия причины и цели.
5. Наречия меры и степени.

Наречия образа действия

Наречия образа действия в тюркских языках, также как и в русском, обозначают способ совершения действия и отвечают на вопрос *как? каким образом?*, который имеет различные формы и варианты, например, в:

кбалк. *кэлай?*, тат. *ничек?*, каз. *кэлай? кэлай-ша?*, кум. *нечик?*, ног. *калай?*

Примеры из кбалк.: *эрлай* „вмиг“, *алай* „так“, *былай* „вот так“, *акгыртын* „медленно“, *джашыртын* „тайком“, *джангыдан* „заново, снова“, *кэсхача* „короче“, *бирден* „сразу“, *бирге* „вместе“, *билмей тургъанлай* „неожиданно, вдруг“, *бири-бири ызындан* „подряд“, *башдан-аякъ* „подряд“, *кючден-бутдан* „еле-еле“, *бошуна* „зря, впустую“, *орусча* „по-русски“, *кэрачайча* „по-карачаевски“ и др.

В предложении наречия образа действия могут обозначать самые различные оттенки действия.

Например: 1) *Ибрахим секириб туруб, сора табхада кир агъач аякъчыкъда эрлай кэурмачын алыб, амма-джукка эте келиб, биягъынлай анасыны кэатына чёкдю.* (Х. А. „Къара кюбюр“).

„Ибрагим быстро вскочил с места, вмиг схватил с полки грязную деревянную миску с жареной кукурузой... и, подпрыгивая на одной ноге, подошел, по-прежнему сел рядом с матерью“.

В данном предложении три наречия образа действия, которые определяют способы действия с самых разных сторон:

1. *Эрлай* „вмиг“—наречие образа действия с временным оттенком, выражающим мгновенность совершаемого действия.

2. *Амма-джукга эте* „вприпрыжку“—наречие образа действия с оттенком, выражающим манеру действия;

1. *Биягъынлай* „по-прежнему, как прежде“—наречие образа действия с оттенком уподобления данного действия с предыдущим, с другим.

2) *Ибрахим, атлы узайыб кетгинчи, джумдуругъун тутуб ызындан къараб турду, сора дженгил-дженгил солуб, къартны къатына келиб сорду...* (Х. А. „Къара кюбюр“). „Ибрагим держал кулак сжатым, пока всадник не скрылся, и смотрел ему вслед, а потом быстро подошел к старику и спросил...“

3) *Былай дженгил нек къайтдынг, кызым?* (Д. К. „Эки заман“). „Что так скоро вернулась, дочка?“

Наречия места

В карачаево-балкарском языке, как и во всех тюркских языках, наречия, указывающие на место, направление действия, составляют разряд наречий места. Наречия места отвечают на вопросы *къайда?* „где?“, *къалайда?* „где?“ *къайры?* „куда?“, *къалайттын?* „откуда?“

Например: *анда* „там“, *мында* „здесь“, *ары* „туда“, *бери* „сюда“, *онгда* „справа“, *солда* „слева“, *ёрге* „вверх“, *энишге* „вниз“, *узакъда* „далеко“, *ичкери* „внутри“, *алгъа* „вперед“ и др.

Из приведенных примеров нетрудно заметить, что общей чертой, характеризующей наречия места, является их форма—в большинстве своем наречия места представляют собой различные формы пространственных падежей: дательно-направительного, местного и исходного. Кроме того, наречиям места особенно характерна морфологическая соотносительность с древней формой дательно-направительного падежа на *-гъары*, *-къары*, *-кери*, *-гери*, *-ра*, *-ре*: *ичкери*, *кери*, *ары*, *бери*, *огъары*, которые в современном языке осознаются как морфологически неразложимые слова

с постоянным наречным значением и, как правило, употребляются при глаголах движения.

Наречия места в предложении могут указывать непосредственно:

1) На место протекания действия:

Мында тойгъа къараргъа ууакъ, уллу да бек сюе эди (Х. А. „Къара къюбюр“). „Здесь и стар, и млад любили наблюдать свадьбу“.

2) На направление действия или процесса:

Ибрахим, ол къатына кенгенлей артыкъсыз да къара тизгинлени онг джанындан сол джанына тиек бла тийиб, къадалыб окъургъа къореше эди (Х. А. „Къара къюбюр“). „Как только он подходил, Ибрагим со всем старанием водил указкой справа налево по строчкам, будто пытался читать“.

3) Наречия места в предложении могут быть с оттенком неопределенности, неконкретности:

*Жарлы чыбчыкъ, къыш къыртчын
Сени юшютюб къояр.
Сенлей жарлы бу къар къюн
Къайда жылыныр, тояр?*

(Кязим)

„Бедняга птичка, зимняя стужа
Может тебя заморозить.
Где такое существо в такую стужу
Может сытно поесть, обогреться?“

4) Наречия места могут указывать на место, откуда действие исходит:

*Биз бирге ёсгенек сабийликде,
Школгъа бирге барыучек,
Биз, андан чыгъыб къыш ингирикде,
Таулагъа бирге барыучек.*

(Кулиев Къ.)

„Мы вместе детство провели,
Вместе ходили в школу.
Мы часто, выходя оттуда,
Вместе поднимались в горы“.

5) Наречия места могут указывать на место, через которое проходит действие:

Былайтын озгван адамла музейге барадыла.

„Люди, проходившие здесь, идут в музей“.

Основной особенностью наречий места в тюркских языках, как считал Н. К. Дмитриев, является абстрактность их значения. По происхождению большинство наречий места восходит к указательным местоимениям. „Наречия места в турецком языке не дифференцированы от указательных местоимений и образуют от них своего рода местоименные существительные конкретного и абстрактного значения. Эти местоименные существительные склоняются и оформляются аффиксами принадлежности. В известных падежах (пространственных) они склонны отрываться от общей системы и таким образом могут соответствовать русским наречиям места“¹.

В значении наречий места могут быть разного рода сочетания, например: *къайда эсе да* „где-то“, *къайры эсе да* „куда-то“, *къайда болса да* „где-нибудь“ и др.

Наречия времени

Наречия времени обозначают срок, в течение которого действие протекает, или указывают на время, в пределах которого действие начинается или завершается. Наречия времени отвечают на вопросы: *къачан* „когда?“, *къачаннга дери?* „до какого времени?“, *къачандан бери?* „с какого времени?“, *не заманда?* „в какое время?“ Примеры: *бюгюн* „сегодня“, *тюнене* „вчера“, *тамбла* „завтра“, *былтыр* „в прошлом году“, *быйыл* „в этом году“, *ингирде* „вечером“, *эртдембла* „утром“, *кюндюз* „днем“, *бусагъатда* „сейчас“, *къыш* „зимой“, *джай* „летом“, *бурун* „прежде“, *энди* „теперь“, *эртде* „рано“ и др.

¹ Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. «Памьяти акад. Л. В. Щербы», 1951, стр. 156.

В значении наречий времени могут употребляться различные фразеологические сочетания. Например, в карачаево-балкарском языке: *танг аласыноа* „под утро“, *кече арасында* „в полночь“, *хар заманда* „все время, постоянно“, *алгъын джолда* „в прошлый раз“, *эртдеден ингирге дери* „с утра до вечера“, *джайны джай узуну* „в течение всего лета“, *къышны къыш узуну* „в течение всей зимы“, *танг атар атмаз* „едва рассвет“, *къачан эсе да бир* „когда-то“, *тамбла къалыб бюрсюкюн* „не завтра-послезавтра“, *кюндюзгю кюн* „среди бела дня“, *кеч эртде болса да* „поздно или рано“ и др.

Наречия времени в предложении могут выражать разные оттенки своего значения.

Например:

1. *Мухаммат-Амин Ибрахимге эртдеден бери тиш билей эди* (Х. А. „Къара кюбюр“). „Мухаммат-Амин давно зуб точил на Ибрахима“.

Наречие времени *эртдеден бери* „издавна, давно“ выражает длительность, продолжительность протекания действия.

2. *Эртде-эртде нартла-гуртла деб болгъандыла* (Зачин сказания о нартах). „Давным-давно жили-были нарты-гурты“. Наречие времени *эртде-эртде* обозначает давность действия по отношению к настоящему времени.

3. *Элни ичине кирсенг, алгъы бурун къулагъынга келген тауушла—Къобан сууну, аны кибик джел уруб, нарат тереклени чайкъалгъан тауушларыды* (О. Х. „Аманат“). „Когдаходишь в село, прежде всего ты слышишь шум реки, а потом шелест деревьев, покачивающихся на ветру“. Наречие времени *алгъы бурун* в значении „прежде всего“ выражает очерёдность действия.

Кроме того, наречия времени в зависимости от синтаксических условий могут выражать оттенки непрерывности, мгновенности, обусловленности действия и т. д.

Например: *Бизни шахарыбыз джылдан джылгъа ёсуб, уллудан уллу бола барады*. „Наш город растёт из года в год“.

Наречия меры и степени

Наречия этого разряда указывают на меру, степень и предел действия или процесса, выражают количественные отношения. Это такие наречия, как общетюркские *аз* „мало“, *кёб* „много“, *бираз* „немного“, кбалк. *талай* „большое количество“, *тамам* „как аз, сколько надо“, *азчыкъ* „немножко“, *чырда* „ничуть“, *бир кере* „однажды“, *бир къат* „в один раз“, *эки къат* „вдвойне“, *тёрт къат* „вчетверо“, *бютеулей* „целиком“, *мардасыз* „безгранично“, *хый-сабсыз* „бесчисленно“ и др.

*Мен сени тобукъларынгы кзучакълаб
Жилярма, жюрегиме асыу болур,
Къара булутла ташлагъан тау кибик,
Бираз ырахат болурма мен анда.*

(Кулиев Къ.)

„Обняв твои колени,
Я плачем сердце уйму.
Словно гора, оставленная черным облаком,
Немного успокоюсь я там“.

В значении наречий меры и степени употребляется много устойчивых сочетаний. Например:

бир талай „несколько“, *ол къадар* „столько много“, *бу къадар* „так много“, *не къадар* „сколько ни“, *аны чакълы бир* „столько, сколько тот“, *муну чакълы дир* „столько, сколько этот“, *бир белек* „несколько“, *аллай бир* „столько“, *джыл чакълы* „около года“, *сагъат чакълы* „около часа“, *джолну джол узуну* „всю дорогу“, *кзучагъы бла бир* „целую охапку“, *юй толу бир* „полный дом“, *челек толу бир* „полное ведро“, *аллындан артына дери* „с начала до конца“ и т. д.

Не къадар кюрешсе да, тишсиз къатын бла аны нёгери къара чепкенли къатын кёзюнден кетмейдиле (Х. А. „Къара кюбюр“). „Сколько бы ни старался, он не может забыть беззубую женщину и ее подружку в черном платье“.

Особенностью наречий меры и степени является и то, что они обозначают количественный признак не только действия, но и предметов и синтаксически часто являются определениями при именах. Например: *Бизни библиотекагъа кѣб китаб келгенди*. «В нашу библиотеку пршло много книг».

Наречия причины и цели

Наречия причины указывают на причину, основание, в силу которых действие происходит.

Наречия цели указывают на назначение совершаемого действия, на цель, ради которой действие происходит.

Наречия причины и цели в языках кыпчакской группы отвечают на один и тот же круг вопросов: *нек?* „почему?“, *не ючюн?* „из-за чего?, по какой причине?“.

Круг наречий этих групп в карачаево-балкарском языке весьма ограничен. Причем, значения этих групп слов настолько близки, что трудно установить границы между наречиями причины и цели.

Примеры наречий причины и цели в карачаево-балкарском языке: *ол сеbebден* „поэтому, по той причине“, *аны (муну) сеbebли* „потому, поэтому“, *амалсыздан* „вынужденно“, *бош адай* „просто так“, *бошуна* „зря, попусту“, *бошнакъгъа* „зря, незачем“, *не ючюн десенг* „потому что“, *аны ючюн* „потому“, *муну ючюн* „поэтому“, *ачыугъа* „назло“ и др.

ГЛАВА III

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАРЕЧИЙ

А. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Морфологическая структура наречий в карачаево-балкарском языке, как и вообще в тюркских языках, отражает в себе сложные процессы развития этой грамматической категории, пути ее словообразования и некоторые словоизменительные принципы. По разнообразию своих морфологических форм, по степени насыщенности своей грамматической структуры наречие стоит в одном ряду с такими сложными по содержанию частями речи, как имя прилагательное и местоимение. Большое многообразие структурных разновидностей наречий и тот факт, что большинство наречий, за исключением небольшого числа так называемых первообразных, создано на базе других частей речи, позволяют судить о широкой интенсивности процесса развития и усовершенствования этой категории слов. Такая морфологическая разнотипность и этимологическая близость с другими частями речи говорит не только о слабой дифференциации их между собой, но и свидетельствует о результатах их взаимообогащения, взаимовлияния.

В процессе морфологического формирования наречий важную роль играет их словообразование.

До недавнего времени, точнее, до 30-х годов нашего столетия вопрос о словообразовании наречий в тюркских языках оставался малоизученным. Авторы дореволюционных тюркологических работ, да и некоторых работ нашего времени, особенно учебных пособий, ограничивались только описанием наречий с точки зрения из значения. А между тем, установление путей и способов их образования не только способствует раскрытию признаков современного состояния этой категории, но оно помогает раскрыть особенности морфологического

развития и процессы становления наречий исторически, с другой стороны, изучение морфологической структуры какой-либо категории слов на данной стадии дает возможность в некоторой степени установить предпосылки дальнейшего развития этой категории, тенденции к совершенствованию одних признаков, к отмиранию других. «В каждом живом языке никогда не прекращается процесс пополнения его новыми словами. Часть их создается путем словообразования. Словообразование поэтому более непосредственно, чем многие другие лингвистические системы, отражает все изменения, происходящие в окружающей нас действительности»¹.

В области изучения тюркского словообразования к данному времени сделано немало². Виднейшие советские ученые-тюркологи: Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Ф. Г. Исхаков и др.—вложили много сил в изучение тюркского словообразования, разумеется, касались они и вопросов словообра-

¹ Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование? М., 1965. стр. 18.

² См. литературу о словообразовании в тюркских языках: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940; его же: Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948; его же: О парных словосочетаниях в башкирском языке. Изв. АН. Отд. гум. наук, серия VII, № 7, 1930, стр. 501—522. Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, стр. 306—307; его же: Словообразование в тюркских языках. ИСГТЯ, ч. II. М., 1956; его же: Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962; его же: Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1956; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. I. М., 1952; его же: Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках. «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.-Л., 1965. стр. 121—127; Е. И. Убрятова. Парные слова в якутском языке. «Язык и мышление», т. XI, М.-Л., 1948; стр. 297—328; С. А. Джафаров. Азербайджан дилинда сёз йарадычылыгы. Баку, 1960; Т. М. Гафиров. Башкирское именное словообразование: Уфа, 1959. А. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958. Р. Бердышев. Сложные слова и современный туркменском языке. Ашхабад, 1958 (на туркменском языке. Ташкент, 1956; А. Ю. Бозиёв. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Алма-Ата, 1958. Р. Бердышев. Сложные слова в именное словообразование. Черкесск, 1971.

зования наречий. Н. К. Дмитриев считал, что определение сущности наречий с точки зрения семантики и синтаксиса далеко недостаточно, «что эти определения в известной мере условны и что для полной, несомненной характеристики наречия необходимо рассмотреть их еще с одной точки зрения, именно с точки зрения морфологического оформления»¹.

Н. А. Баскаков выделяет три основных способа образования наречий: лексический, морфологический и синтаксический. Приведенные им типы и формы наречий дают возможность судить о большой стабилизирующей роли словообразовательных процессов в формировании наречий не только в каракалпакском языке, но и в тюркских языках вообще².

М. Галкина-Федорук отмечала, что процесс образования наречий, начавшийся в доисторическое время, не только не прекращается, но даже усиливается³. Как и любое другое явление в языке, словообразование наречий неотрывно связано с жизненными процессами, с процессами развития общества, с деятельностью человека. Известно, что значение наречий сводится к качественной характеристике действия или состояния. Следовательно, чем разностороннее и многообразнее становится деятельность человека, тем больше происходит в обществе действий и процессов. Чем больше действий, тем больше их качественных определений, в роли которых в языке в первую очередь должны выступать наречия. Поэтому наречия в языке — категория постоянно растущая, пополняющаяся, находящаяся в динамике.

Словообразование наречий в каждом из современных тюркских языков подчиняется основным законам словообразования вообще, но как и любая часть речи, наречие в каждом конкретном языке имеет особенности своего словообразования. В этой связи В. В. Виноградов писал: «Образование новых слов происходит по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1948, стр. 112.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952; стр. 217—224.

³ Е. М. Галкина-Федорук. Наречие в современном русском языке. М., 1939, стр. 29.

выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования»¹.

Установление средств, методов образования наречий в каждом отдельном языке раскрывает новые стороны процессов словообразования вообще в этом языке.

Карачаево-балкарскому словообразованию в последние годы посвящен ряд серьезных исследований. Это, в первую очередь, монография М. А. Хабичева «Карачаево-балкарское именное словообразование» (Черкесск, 1972), написанная в сравнительно-сопоставительном плане с данными современных тюркских языков и памятников древнетюркской письменности. М. А. Хабичев на большом фактическом материале исследует все продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные пути именного словообразования в карачаево-балкарском языке. Автор выделяет пять способов словообразования: лексический, лексико-семантический, лексико-морфолого-синтаксический, морфологический и синтаксический. «Лексический способ образования заключается в том, что слово состоит из первичного корня с наиболее реальным (прямым, основным) предметным, качественным, количественным значением, значением действия или состояния»².

«Лексико-семантический способ словообразования заключается в том, что слова с реальным предметным, качественным значениями, значением действия, состояния или признака, переосмысляясь, приобретают новые значения. В результате образуются слова-омонимы...»³.

«Лексико-морфолого-синтаксический способ образования имен заключается в том, что слова одной части речи, приобретая новые значения и грамматические свойства, включаются в состав и других частей речи...»⁴

«Имена образуются синтаксическим путем. Среди имен, образованных данным способом, выделяются: 1) составные имена, которые образованы из двух или трех разных корней как определение и определяемое, выра-

¹ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «Русский язык в школе», 1951, № 2.

² М. А. Хабичев. Указ. соч., стр. 40.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же.

жающие единое понятие... 2) сложные слова, состоящие из парно-собирательных и парно-повторных имен...»¹

«Основным способом образования имен является морфологический способ. Он заключается в том, что к корню с первичным или вторичным значением присоединяются словообразующие аффиксы»².

Другой значительной работой, посвященной карачаево-балкарскому словообразованию, является работа А. Ю. Бозиева «Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке» (Нальчик, 1965 г.). Автор ее выделяет аффиксальный и аналитический способы словообразования.

Нам кажется, не все части речи подчиняются одним и тем же методам словообразования, каждая часть речи в этом процессе имеет свои особенности. Эти особенности выражаются в своеобразии средств и моделей образования слов в пределах той или иной части речи. Установление этих средств, методов образования слов в каждом языке раскрывает новые стороны процессов словообразования вообще в этом языке. На наш взгляд, например, образование наречий не может целиком подчиниться законам образования имени существительного, так же, как и наоборот. Поэтому материал каждой категории слов, входящих в состав той или иной части речи, в каждом конкретном случае выдвигает свои средства словообразования.

Исходя из этого, мы считаем, что для наречий в карачаево-балкарском языке характерны:

1. Морфологический способ образования наречий.
2. Морфолого-синтаксический способ образования наречий.
3. Синтаксический способ образования наречий.
4. Лексический способ образования наречий.

1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ. АФФИКСАЦИЯ

Аффиксальный способ образования наречий является наиболее продуктивным методом наречного сло-

¹ М. А. Хабичев. Указ. соч., стр. 34.

² Там же, стр. 35.

вообразования, и в современных тюркских языках этот способ играет наиболее активную роль в становлении наречий как частей речи. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам различных частей речи коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносят их в разряд наречий, то есть «словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по *определённым грамматическим классам*»¹.

Наиболее продуктивными, имеющими в тюркских языках общее распространение, являются аффиксы *-ча* и *-лай*, *-лей* (с фонетическими вариантами в различных тюркских языках).

1. Аффикс *-ча*.

Варианты в языках кыпчакской группы следующие:

каз. *-ша*, *-ше*;

тат. *-ча*, *-че*;

башк. *-са*, *-сә*;

ккалп. *-ша*, *-ше*;

кумык. *-на*, *-че*;

ног. *-ша*, *-ше*.

Аффикс *-ча*, по мнению многих тюркологов, исторически произошел от слова *чакъ*, которое означало «время, эпоха». Впервые это предположение, по свидетельству А. Дж. Шукюрова, высказал Бётлингк: «По поводу этимологии аффикса *-ча* / *-чә* впервые еще в 1851 г. высказался О. Бётлингк. Он производил этот аффикс от слова *чагъ* «время, мера»...»² В современных тюркских языках слово *чакъ* употребляется как самостоятельное слово со значением «время, период». В карачаево-балкарском языке оно стало архаичным и малоупотребительным.

Претерпевая различные фонетические изменения, слово *чакъ* перешло в афф. *-ча*. «Когда элемент *чак*

¹ А. Ю. Бозиев. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, стр. 9.

² А. Дж. Шукюров. Наречие в азербайджанском языке. А. к. д. Баку, 1966, стр. 10.

утратил свое первоначальное содержание и стал осознаться как служебный грамматический элемент, он утратил также и стандартность формы. Параллельно отпадению конечного *къ* произошло изменение и в гласных аффикса, вместо *чакъ* получились звуковые варианты *-ча*, *-че*, включенные в русло сингармонизма, как это обычно бывало в тюркских языках¹.

Следы слова *чакъ* сохранились в слове *къачан*, которое имеет общетюркское распространение. По мнению многих ученых, *къачан* «когда» — наречие времени, которое образовано от древнего *къай* «который, какой» + *чакъ* в форме древнего творительного падежа².

Кроме того, в карачаево-балкарском языке корень *чакъ* сохранился в слове *чакълы* — послелого, который в сочетании с именами выражает значения меры, степени.

Продуктивный наречный аффикс *-ча* не следует смешивать с непродуктивным имяобразующим *-ча* в таких словах, как *хонча* «висок», *джытча* «мясо», *орча* «разнимающий», где *-ча* присоединен к первичным, ныне неизменяемым корням.

В карачаево-балкарском языке с помощью *-ча* образуются наречия от имен существительных, прилагательных, от местоимений и от самих наречий. Наречия, образованные с помощью *-ча* указывают на признак действия или состояния, эти наречия выражают значения сравнения, уподобления. Аффикс *-ча* может присоединяться непосредственно к корню слова или к какой-либо основе.

Например: *орусча* «по-русски», *къарачайча* «по-карачаевски», *айюча* «по-медвежьи», *атча* «по-лошадиному», *къысхача* «вкратце», *джангыча* «по-новому», *эскича* «по-старому», *ненча* «сколько» и др.

1. *Хопайны, Сапарны къолларында уа джюз тюрлю сылтау бла ненча мал къорайды?* (Э. Х. «Къанаматны джуртунда»). «А сколько скота убывает по сотням причин у Хопая и Сапара?».

¹ Н. К. Дмитриев. Наречие в татарском и русском языках. «Строй тюркских языков». М.-Л., 1962, стр. 47.

² Г. И. Донидзе. О составе и функциях слов «хачан» в хакасском языке. Уч. записки Хакасского НИИ, 1957.

2. *Баугъа тюшген бѣрюча, аны ачылулугъу танылады* (Х. О. «Дерт»). «Его озлобленность напоминает волка, попавшего в хлев».

В карачаево-балкарском языке аффикс *-ча* имеет форму *-лача, -лече*, который состоит из аф. мн. ч. *-лача*. Аффикс мн. ч. *-ла* в сочетании с *-ча* постепенно теряет свое значение множественности и подпадает под наречное значение аффикса *-ча*. Наречия, образованные с помощью *-лача* с семантической стороны отличаются от наречий с *-ча* только усилением значения уподобления.

С помощью *-лача* образуются наречия в основном от имен существительных: кбалк. *большевиклеча* «по-большевистски», *къарнашлеча* «по-братски», *тенгле-ча* «по-дружески» и др.

В современных тюркских языках функция аффикса *-ча* все более расширяется. Это происходит за счет отмирания, ослабления значений некоторых других словообразовательных элементов языка. Например, в карачаево-балкарском языке значение наречия с аффиксом *-ча* можно приравнять к значению целого словосочетания, передающего адекватное понятие: *атча—ат киби* «по-лошадиному», *айюча—айю киби* «по медвежьей, как медведь».

Как сказано выше, наречия с помощью *-ча* образуются от именных частей речи и от местоимений. Но не все слова, входящие в состав этих частей речи, могут присоединять к себе аффикс *-ча* и тем самым становиться наречиями. Наречия этим путем образуются только от слов с определенным смысловым значением. Так, например, в карачаево-балкарском языке с помощью аффикса *-ча* образуются наречия от слов с особыми смысловыми оттенками, определяющими действие:

1) по признаку национальной принадлежности качества: *орусча* «по-русски», *татарча* «по-татарски» *къарачайча* «по-карачаевски»;

2) по партийной: *большевиклеча* «по-большевистски»;

3) по отношению к лицу: *адамча* «по-человечески», *тенгча* «по-дружески»;

4) по отношению к животному миру: *айюча* „по-медвежьей“, *тюлкюча* „по-лисьей“.

Таким образом, наречиями являются только те слова, имеющие при себе афф. **-ча**, которые сохраняют стабильное значение способа действия. В остальных случаях афф. **-ча** служит для образования сравнительной формы от различных имен.

II. Аффикс **-лай/ -лей**.

Этот аффикс занимает второе место по продуктивности в образовании наречий. В кыпчакской группе тюркских языков он имеет следующие варианты:

кбалк. **-лай, -лей**;

тат. **-лай, -лей, -дай, -дай, -тай, тай**;

каз. **-лай, -лей, -дай, -дей, -тай, -тей**;

кум. **-лай, -лей, -дай, -дей**;

ног. **-лай, -лей, -дай, -дей, -тай, -тей**.

В карачаево-балкарском языке этот аффикс для образования наречий функционирует, как видно, только в двух вариантах: **-лай, -лей**.

В других родственных языках, кроме этих вариантов, для образования наречий используются аффиксы **-дай, -дей, -тай, -тей**. В карачаево-балкарском функции афф. **-дай, -дей, -тай, -тей** выполняет аффикс **-ча**.

Например: тат. <i>кошдай</i>	} кбалк. <i>кзушча</i>
каз. <i>кзустай</i>	
кум. <i>кзушдай</i>	
ног. <i>кусдай</i>	

Это можно объяснить только тем, что в карачаево-балкарском языке функции аффикса **-ча** гораздо шире, чем в других языках, т. е. „там, где в других тюркских языках стоит афф. **-дай**, карачаево-балкарский выставляет афф. **-ча**¹“.

Относительно происхождения этого типа аффиксов существуют определённые точки зрения. Н. К. Дмитриев писал: „Происхождение этого аффикса сводится

¹ А. Ю. Бозиев. Ук. соч., стр. 53.

к форме **-дек**, восходящей к глагольной основе со значением „трогать, касаться“. Из **-дек** получилось **-дай** и далее все звуковые варианты. Первоначальное значение было, очевидно, „до, вплоть до“, и далее, сравнение по количеству (ср. *таудай* „с гору“), а потом уже идея сравнения и всякого сходства вообще¹.

Архаичной формой аффиксов **-лай**, **-лей** является форма **лейин**. А. Н. Кононов пишет об этом аффиксе: „Афф. **-лейин**—афф., с помощью которого образуются глаголы от имён + **-лей**, + **-ин**,—афф. древнего деепричастия.“² Относительно происхождения этого аффикса имеются и другие гипотезы.³

По мнению многих тюркологов, элемент **-н (-ин)** является окончанием древнего творительного падежа. Потеряв свою прежнюю грамматическую функцию, этот аффикс превратился в словообразовательный аффикс. С его помощью в некоторых тюркских языках образуются наречия: в тат. *кышын* „зимой“, *язын* „весной“, *тёнен* „ночью“, *кёнен* „днем“.

В карачаево-балкарском языке с аффиксом **-лайын**, **-лейин** сохранились редкие формы наречий: **алайына** „вдруг, бесплатно, безвозмездно“, **сууукълайына** „в холодном виде“, **ачхалайына** „деньгами“ и др. В современном языке такая форма малоупотребительна.

Несмотря на то что между аффиксами **-лай**, **-лей**, с одной стороны, и **-дай**, **-дей**, **-тай**, **-тей**, с другой стороны, имеется этимологическая близость, в современных тюркских языках они несут различные семантические нагрузки.

Входя в один и тот же семантический разряд наречий образа действия, наречия, образованные с помощью этих аффиксов, имеют различные смысловые оттенки: наречия с **-лай**, **-лей** больше обозначают манеру, способ действия, а наречия с **-дай**, **дей**, **тай**,

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 1943, стр. 115

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 284.

³ Л. С. Ефимова. О некоторых аспектах проблемы наречия в современном турецком языке. «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 111—113.

-тей больше выражают усиленное значение сравнения, уподобления.

Примеры: кбалк. *саулай* „целиком“, *мюрзеулей* „зерном“, *ачхалай* „деньгами“, *будайлай* „пшеницей“ (не в молотом виде), *кумачлай* „тканью“ (не в шитом виде), *алайлай* „в таком виде“, *былайлай* „в этом виде“, *олсагъатлай* „тотчас“, *бусагъатлай* „сейчас“, *ѳретинлей* „стоя“, *биягъынлай* „как прежде“.

1. *Сени джауунг бизлей джолоучу болгъа эди...* (Д. К. „Таулада таууш“). „И врагу не желаю путешествовать по-нашему (подобно нам)“.

2. *Мени атам да замансызлай адам къолундан кетди,—деди* (Х. О. „Дерт“). „И мой отец преждевременно стал жертвой чьих-то рук“,—сказала она“.

3. *Экиси да джашлай тас болдула.* (Х. О. „Дерт“). „Оба молодыми погибли“.

4. *Былай болумгъа тюшуб, тынгылаб тургъандан суймезим джожъ эди, кереклисин ары дженгилирек айтыб къорагъа эди, былай этиб тургъанлайыма атам келиб къалса, къалай этерикме...* (Къ. А. „Кесимме терс“). „Я не люблю бывать в таком положении, лучше пусть он скажет, что ему нужно, и уйдет, иначе что я буду делать, если меня застанет отец в его присутствии...“

5. *Айтчы бир, Самыр, Хаджы-Осман байлай, мен джарлылай, ѳлгюнчюннге дери алаймы турлукъ-буз?* (Э. Х. „Къанаматны джуртунда“). „А ну, скажи, Самыр, так и будем мы до самой смерти—Хаджи-Осман—богатым, а я—бедным?“

Надо отметить, что между **-лай**, **-лей** и **-дай**, **-дей**, **-тай**, **-тей** имеются и грамматические различия. Дело в том, что не только в зависимости от значения, но и в зависимости от контекста, от характера сочетания в предложении слова, образованные посредством афф. **-дай**, **-дей**, **-тай**, **-тей** относятся к различным частям речи. „Аффикс **-дай**, **-дей**, (**-тай**, **-тей**)“ вообще указывает на сродство и, присоединяясь к существительным, образует только производное прилагательное, а не наречие. Если же существительное с аффиксом **-дай**, **-дей** выражает не сродство, а способ

действия, и сочетается только с глаголами, то мы имеем наречие¹. Это положение свойственно всем тюркским языкам, в которых существуют словообразовательные аффиксы *-дай, -дей, -тай, -тей*.

• Покажем на примере татарского языка.

1. *Баланы сюзэ батмандай*

Хатынныг сюзэ китмендей (пословица)?

„Слово ребенка, как куропатка,
Слово жены, как лопата“.

2. *Ир кырмыскадай ташыр,*

Яман хатын судай чачер (пословица.)

„Муж, как муравей: все несет домой.

Плохая жена всем пользуется, как водой (небережно)“.

Как видно из приведенных ранее примеров, аффиксы *-лай, -лей* образует наречия от всех именных частей речи: от имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений и от самих наречий.

Особо следует сказать о наречиях *алай* „так“, *былай* „вот так“, этимологически восходящих к указательным местоимениям *ол, бу*.

В некоторых исследованиях и учебных пособиях по тюркским языкам такого типа слова относятся к местоимениям. Неправомерность этого отмечал еще Н. К. Дмитриев.²

Присоединяясь к мнению Н. К. Дмитриева, мы считаем, что эти слова омонимично употребляются и как наречия, и как местоимения.

Таким образом, аффиксы *-ча и -лай, -лей* являются наиболее продуктивными в наречном словообразовании и, представляя собой один из ведущих морфологических признаков наречий, они заслужили право называться наречными аффиксами.

¹ Современный казахский язык, 1962, стр. 364.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 1948, стр. 115.

III. Следующим, но менее продуктивным аффиксом наречного словообразования в тюркских языках является афф. **-тын, -тин**.

Этот аффикс в различных фонетических формах встречается в карачаево-балкарском, татарском, башкирском языках. Н. К. Дмитриев считал этот аффикс „остатком старого (уйгурско-чагатайского) исходного падежа на **-дын, -дин**“.¹

А вот что пишет относительно этого аффикса М. А. Хабичев: „Он является аффиксом древнего продольного падежа, который отличается от аффиксов исходного падежа **-дан, -ден** своим значением и употреблением: Присоединяясь к прилагательным, наречиям и к существительным с пространственным значением, он образует наречия места. Аффикс **-тын** указывает на движение предмета по предмету, пространству“.² Афф. **-тын, -тин** непродуктивен, в современных тюркских языках он не образует наречий, а сохраняется только в редких словах,

Например: кбалк. *алайтын* „там, по тому месту“, *былайтын* „здесь, по этому месту“ (букв. „через это место“, *джашыртын* „тайком“, *акзыртын* „потихоньку“, *тёбектин* „понизу, снизу“, *огьартын* „поверху, сверху“, *ёретин* „стоя“.

1. *Ала мёлекми болгъандыла кёктюн джюрюрчи, джер бла джюрюселе уа, мен да бир тюртюллюк болур эдим* (Э. Х. „Къанаматны джуртунда“). „Они ангелы что ли по небу летать, ходили бы по земле, я бы хоть раз повстречал“.

2. „...бирлери, бир затынги урларгъа излеген адамча, башындан аягъынга дери **джашыртын тинтиб** къарайдыла... (Къ. А. „Кесиме терс“). „Одни же из них будто хотят что-то украсть, разглядывают тайком с головы до ног“.

По значению наречия с афф. **-тын, -тин** относятся к наречиям места и образа действия.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 1948, стр. 116.

² М. А. Хабичев. Именное словообразование в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1971, стр. 258—259.

Несмотря на малоупотребительность и непродуктивность, афф. **-тын, -тин** надо считать наречным аффиксом, так как в составе других частей речи слов с этим аффиксом не встречается.

IV. Аффиксы **-гъары, -гери, -ра, -ре, -ры, -ри.**

Эта группа аффиксов в карачаево-балкарском языке, как и во всех современных тюркских языках, совершенно непродуктивна, но наречия, образованные с их помощью, относятся к древнейшему слою тюркских наречий. Н. К. Дмитриев писал: "... в основе этих образований лежат именные категории. Самый аффикс состоит из аффикса дательного падежа, после которого следует архаичный аффикс направленности **-ры, -ре**"¹. Относительно происхождения элементов **-ры / -ра, -ре** были выдвинуты самые разные гипотезы и доводы советскими и зарубежными тюркологами. Их происхождение возводится к деформации слов **йер** "место" и **ара** "середина".

Наречия с фонетическими разновидностями этих аффиксов встречаются во всех тюркских языках. В современном карачаево-балкарском языке наречия с этими аффиксами относятся к архаичной лексике.

Примеры:

ичкери "внутри", **тышхара** "наружу", **огъары** "наверху", **учхара** "вскользь", **къайры** "куда", **кери** "прочь"; слова **ары** "туда", **бери** "сюда" по образованию восходят к местоимениям **ол** "тот", **бу** "этот" плюс аффикс **-ры, -ри**.

1. **Къанамат бла Бийнёгер Семёндан айырылгъан джерлерин джашаугъа учхара кёрюб...**, **былайда тохтадыла** (Д. К. "Таулада таууш"). "Канамат и Бийне-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 116; его же: Наречия места в турецком языке. Строй тюркских языков. Л., 1962, стр. 29.

гер, посчитав место расставания с Семеном ненадежным, поэтому остановились здесь“.

2. *Ким биледи джазыу аныкъайры быргъагъанын* (Къ. А. „Кесимме терс“). „Кто знает, куда его судьба закинула“.

3. *Директор, асыры тебгенден сёз айталмай, юню ичинде ары бла бери бара...* (Х. О. „Дерт“). „Слишком расстроившись, директор ходил взад и вперед по комнате“.

Описанные выше способы аффиксального словообразования наречий являются общими для языков кыпчакской группы, хотя и не в одинаковой степени продуктивными. Кроме того, как и каждый из тюркских языков, карачаево-балкарский, кроме этих общих и основных способов аффиксального словообразования, имеет свои, присущие только ему, приемы образования наречий, специфические только для него наречные аффиксы.

Например:

I. С помощью афф. *-а*, *-е* образуются наречия образа действия от имен существительных и прилагательных с аффиксами принадлежности: *телисине* „сдуру“, *узунуна* „в длину“, *бошуна* „впустую“, *терсине* „вкривь“, *джылына бир* „в год раз“, *кюнюне бир* „в день раз“.

1. *Къандаур ат бла... атджерде джанбашына олтуруб, къошха къайтды* (Д. Кубанов „Таулада тау-уш“). „Кандаур верхом, держась на седле боком, вернулся в кош“.

2. *Таякъ къалай эсе да Кертибийни къолундан терсине ычхыныб, барыб Хаджи-Османны оелине тийгенди* (Э. Х. „Къанаматны джуртунда“). „Палка, сорвавшись невпопад с рук Кертибия, ударилась о поясницу Хаджи-Османа“.

II. От имен числительных в сочетании с вспомогательным глаголом *болуб* с помощью афф. *-аулан*, *-еулен* образуются наречия образа действия: *экеулен болуб* „вдвоем“, *бешеулен болуб* „впятером“ и т. д.

Таковы основные средства морфологического спо-

сба образования наречий в карачаево-балкарском языке. Как и в других тюркских языках, этот способ является одним из продуктивных и широко используемых методов пополнения лексического состава наречий.

II. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ

Морфолого-синтаксический способ образования наречий—это переход в наречия различных падежных форм, изолировавшихся от схемы склонения. В силу стабильности своего обстоятельственного значения ряд слов, этимологически представляющих собой падежные формы различных имен, вошел в состав наречий.

Главную роль в процессе такого перехода играет контекст, т. е. особенность синтаксического употребления данного слова. Только в контексте, обнаружив, что это слово в данной форме вышло из системы склонения, т. е. оно изолировалось, „застыло“, „омертвело“ в этой форме, что оно уже не имеет конкретного вещественного значения, можно отнести его к разряду наречий. Такие наречия отличаются абстрактностью своего значения, их легко отличить от падежных форм имен, выполняющих различные адвербиальные функции, но не перешедших в наречия. Здесь имеются в виду различные имена в форме дательного-направительного и исходного падежей, которые по обстоятельственной функции в предложении приближаются к наречиям, а по значению остаются именами с конкретным предметным значением. О них Л. Н. Харитонов пишет, что они „представляют собой синтаксическую функцию живой падежной формы, которая ни в коем случае не может быть названа наречием“¹. В процессе „застывания“, в процессе перехода в наречие какого-либо имени в определенной падежной форме суффикс словоизменения этого имени приобретает словообразовательное значение.

¹ Л. Н. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, стр. 67.

При формировании наречий за счет, например, морфологической изоляции имени существительного „наблюдается такой процесс. При каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических), один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным“¹.

Аналогичное явление в русском языке отмечали ведущие русские ученые. В. В. Виноградов писал: „Есть еще тип морфологического словообразования, свойственный наречиям, произведенным от падежных форм имен существительных. Своеобразие этого типа состоит в том, что образование слова здесь сопровождается превращением, преобразованием окончания (флекси) в аффикс, например: рядом, авансом...“².

Проф. А. Б. Шапиро в статье „Об образовании наречий в современном русском языке“ писал: „...всякий раз, когда какая-нибудь падежная или предложно-падежная конструкция превращается в наречие, сущность этого превращения состоит в утрате соответствующим падежным окончанием, а также предлогом тех значений, которые они выражают в именных формах...“³

Морфолого-синтаксическим способом образуются наречия от форм пространственных падежей: направительного, местного и исходного. Слова в формах этих падежей, постоянно употребляясь в обстоятельственной функции, утрачивают падежное значение, а следовательно, и значение предметности. Вот что пишет по поводу этих форм проф. Э. В. Севортян: „Все они представляют собой функциональные формы с обстоятельственным значением, в дальнейшем обособившиеся и позже перешедшие в состав новой части речи—на-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

² В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «Русский язык в школе», 1951, № 2, стр. 45.

³ «Русский язык в школе», 1947, № 1, стр. 29.

речия. Однако едва ли законно говорить о всех этих и подобных им наречиях, что они образованы или образуются (подчеркнуто нами—С. Г.) при помощи падежей, деепричастий и пр., совершенно очевидно, что наши формы исторически представляют собой случаи функционального использования падежей. Лишь в дальнейшем они вливаются во вновь образовавшуюся часть речи—наречие, поскольку первоначальное функциональное значение этих грамматических форм, ослабившись и исчезнув, уступило место развившемуся отсюда значению наречия¹. С этой точки зрения, термин „образование“ наречий от падежных форм является условным, речь идет о процессах перехода форм падежей в состав наречий.

Морфолого-синтаксическим способом образуются наречия от имен существительных, прилагательных, от местоимений. Но не все слова, входящие в состав этих частей речи и изменяющиеся по падежам, переходят в наречия, т. е. не все слова имеют одинаковые возможности для такого перехода. Своеобразие этого способа обогащения класса наречий,—пишет А. Ю. Бозиев,—состоит в том, что язык сам тщательно и долго „проверяет“, „испытывает“, а „убедившись, что такое слово уже приобрело новое качество, т. е. наречное значение и больше тяготеет к нему, отбирает и закрепляет в этом новом значении“².

Рассмотрим пути образования наречий от падежных форм имен существительных.

Многие имена существительные, особенно имена со смысловым оттенком пространственности, времени и направления (*орта* „середина“, *кюн* „день“, *джыл* „год“, *кече* „ночь“, *эртден* „утро“, *ингир* „вечер“, *онг* „правая сторона“, *сол* „левая сторона“, *арт* „задняя сторона“, *ал* „перед“ и т. д.) в формах пространственных падежей, постоянно употребляясь в синтаксических функциях обстоятельственных слов, указывая на признаки действия, постепенно заглушают в себе собственное предметное значение, лексически и грамматически переомысливаясь, переходят в наречия.

¹ Э. В. Севортян. Словообразование в тюркских языках. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», И. М., 1956, стр. 321.

² А. Ю. Бозиев. Ук. соч., стр. 54.

Например, такие формы дательного-направительного падежа имен существительных, как *алгъа* „вперед, сначала“, *артха* „назад“, *онгга* „направо“, *солгъа* „налево“, *ингирде* „вечером“, *ёмюрде* „никогда“ не передают понятия предметности, а обозначают пространство, время, направление действия. Переходя в наречия, такие формы теряют значение падежей и приобретают морфологические признаки наречий, например, неизменяемость, а также некоторые из них приобретают способность образовывать степени сравнения: *алгъаракъ* „пораньше“, *артхаракъ* „чуть позади“.

1. *Ала орунларына джарашыргъа кёк атха миниб келген офицер... артхаракъ тохтады* (Д. Кубанов „Таулада таууш“). „Когда они уселись, офицер, приехавший на белом коне, остановился поодаль“.

2. *Алгъаракъда аны къыз бла олтуртабыз деб кёргендиле* (Х. О. „Дерт“). „Раньше его пробовали посадить с девочкой за одну парту“.

От имен существительных с аффиксом принадлежности в форме местного падежа образовались наречия места и времени: *ичинде* „внутри“, *тышында* „снаружи“, *тёгерегинде* „вокруг“, *заманында* „вовремя“, *эртденинде* „на утро того дня“, *ингиринде* „вечером того дня“ и т. д.

1. *Мен не къадар алгъа къызыу барсам, ол да артха ол къадар къызыу джюрюй келиб, ахырында кёзюмден думп болду* (Къ. А. „Кесимме терс“). „Чем дальше я продвигалась вперед, тем больше он отходил от меня, и в конце концов он исчез из моих глаз“.

От исходного падежа имен существительных образовались такие наречия, как *онгдан* „справа“, *солдан* „слева“, *артдан* „сзади“, *алдан* „спереди“, *кюдден* „насилу“, *зордан* „насилу“ и др. Сюда же относятся наречия типа: *сыртындан* „на спину“, *бауурундан* „навзничь“ — падежные формы существительных, значение которых связано с названиями различных частей тела. Эти слова, постоянно употребляясь в значении обстоятельственных слов, обозначая различные условия действия, перешли в разряд наречий образа действия.

1. Домалай къайры болса да Даумну да алыб джанларгъа тыхсыды, алай а ёрге сюелир хыйсабы болмагъанын билиб, ачыудан орунда чыдаяммай, ары бла бери бурулады (Х. О. „Дерт“). „Домалай решил куда-нибудь увезти Даум, но у него не было возможности подняться, и он от обиды ворочался с боку на бок“.

2. Ары-бери чартлагъан суу тамчылары кюнде кюмюш кибик джылтырай, адам кириб кючден ётерик иги абадан кзулакъ суу ташха-агъачха кесин ура келиб, мийик къаядан секиреди (О. Хубиев „Аманат“). „Бурная и довольно глубокая горная речка скачет по камням, серебрясь и сверкая на солнце, образует водопад“.

Наречия образуются также от форм пространственных падежей, указательных местоимений, имен прилагательных. Наречия *анда* „там“, *мында* „здесь“, *андан* „оттуда“, *мындан* „отсюда“ по образованию представляют собой формы местного и исходного падежей указательных местоимений *бу* „этот“, *ол* „тот“.

Анда аланы не этгенлерин киши билмейди (Х. О. „Дерт“). „Никто не знает, чем они там занимаются“.

Многие субстантивированные прилагательные в формах дательно-направительного, местного и исходного падежей приобретали посточную способность обозначать различные пространственные отношения между действием и его объектом и тем самым заняли постоянное место в рядах наречий. Таковы наречия типа: *узакъда* „далеко“, *узакъгъа* „вдаль“, *узакъдан* „издалека“, *джууукъда* „близко“, *джууукъдан* „с близкого расстояния“, *мийикге* „ввысь“, *мийикде* „высоко“, *мийикден* „свысока“, *къарангыда* „в темноте“ и др.

1. Гыджы сагъайгъанды да джукъусу *узакъгъа чачылгъанды* (Х. О. „Дерт“). „А Гыджы совсем проснулась, и сон ее куда-то вдаль исчез“.

2. *Кече къарангыда бизни ким кёрлюкдю* (Х. О. „Дерт“). „Кто нас в ночной темноте увидит ...“

От формы исходного падежа прилагательного *джангы* „новый“ образовалось наречие образа действия *джангыдан* „снова“, указывающее на повторность действия.

3. *Мен тохтагъанымда, кёлекке да тохтаб, дагъыда джангыдан къарангы кечени кенг ёшюню бла джарыб келиб, туура аллымда сюелди* (Къ. А. „Кесимме терс“). „Я остановилась, остановилась и тень, но снова она двинулась ко мне и, прорезая широкой грудью ночную тьму, уперлась в меня.“

Субстантивированные формы производных прилагательных также образуют наречия путем изоляции в форме определенных падежей. Наречия типа *эртденнгиде* „утром“, *ингиргиде* „вечером“, *джазгъыда* „весной“, *кышхыда* „зимой“, *джайгъыда* „летом“ и др. представляют собой формы местного падежа производных прилагательных.

1. *Кечегиде бу артынгдан къалмагъанланы джылытыратыб айланма да, отха ата бар* (Д. Кубанов. „Таулада таууш“). „Не носись ты ночью с этими папирсами, брось в печку“.

2. *Ол кюнню эртдембласында, туура ол кюнча эртденнгиде, эшикге чыкъгъанлайыма, биягъы джашны туура юйюбюзню къаты бла озуб баргъанын эслеб, юйге гузаба кирдим.* (Къ. А. „Кесимме терс“). „Утром того дня, как и тогда утречком, вышла я на улицу и увидела проходившего мимо нашего дома парня, и я спешно вошла опять в дом“.

От числительных указанным способом наречия почти не образуются, за исключением наречия *бирден* „сразу, вместе“, образованного от формы исходного падежа числительного *бир*.

Ёлсек, *бирден ёлюрбюз* (Х. О. „Дерт“). „Умирать, так вместе“.

В карачаево-балкарском языке есть наречия типа: *тамблагъа* „назавтра“, *эртдемблагъа* „наутро“, представляющие собой субстантивированные формы наречия *тамбла* „завтра“, *эртдембла* „утром“.

Морфолого-синтаксическим способом образуются наречия во всех тюркских языках. Разумеется, в каждом отдельном языке такая форма наречного словообразования имеет свои особенности, обусловленные теми или иными особенностями развития этого языка.

О большой продуктивности этого типа образования наречий можно судить по примерам, которые мы приводим для сравнения из родственных языков.

Тат. *алыска* „далеко“, *югарыга* „ввысь“, *карангыда* „в темноте“, *вакытында* „вовремя“, *тышта* „снаружи“, *алда* „вперед“, *артта* „позади“, *башта* „сначала“, *шунда* „там“, *янгадан* „снова“, *кечка* „насилу“, *берден* „сразу, вдруг“, *йаштан* „смолоду“, *яктыда* „засветло“, *монда* „здесь“, *борынгыдан* „издавна“, *ерактан* „вблизи“, *бушка* „зря“, *сулга* „влево“, *сулда* „слева“, *унга* „направо“, *унда* „справа“ *тиздан* „вскоре“, *куптан* „издавна“ и др.

Каз. *зоргъа* „насилу“, *жаткъа* „наизусть“, *тюнде* „ночью“, *шалкъасыннан* „навзничь“, *эртеде* „давным-давно“, *кюнде* „ежедневно“, *кейде* „иногда“, *сонда* „тогда“, *баягъыдан* „с давних пор“, *ауелден* „с самого начала“, *бастан* „заранее“, *алгъа* „вперед“, *алда* „вперед“, *алдан* „спереди“, *артта* „позади“, *алыста* „далеко“, *онда* „там“, *мунда* „здесь“, *алыстан* „издалека“ и др.

Ног. *узакка* „вдаль“, *алыска* „вдаль“, *артка* „назад“, *онгъа* „направо“, *солга* „налево“, *оьмирге* „вечно“, *шалкасына* „навзничь“, *артта* „позади“, *тыста* „снаружи“, *алыста* „далеко“, *тоьгеректе* „вокруг“, *туьнде* „ночью“, *кеште* „вечером“, *кыста* „зимой“, *заманында* „вовремя“, *янгъыдан* „снова“, *босына* „впустую“

III. СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ

Образование наречий путем слияния или сочетания различных основ—знаменательных и незнаменательных единиц языка—составляет синтаксический способ образования наречий. Этим способом образуются все сложные наречия в карачаево-балкарском языке. Композиционное наречное словообразование отличается от синтаксического словообразования других частей речи по характеру связи элементов в составе сложного наречия и по процессу морфологической изоляции этих элементов. Некоторые наречия, входящие в словарный состав карачаево-балкарского языка (например, такие, как *бюгюн* „сегодня“, *быьыл* „в этом году“, *бириаз* „несколько“, слились семантически и синтаксически.

Но элементы в составе этих слов не потеряли каждый в отдельности свое значение. В процессе своего слияния и приобретения нового семантического значения такие слова меняются фонетически и морфологически (бу+кюн кбалк. бюгюн).

Образование наречий путем сочетания корней или основ, как и образование других частей речи,—процесс не только давно сложившийся, но постоянно развивающийся и совершенствующийся.

Картина сложных наречий, образованных синтаксическим способом, в тюркских языках довольно пестрая. Принимая во внимание все многообразие приемов и многогранность структур сложных наречий в тюркских языках, общую систему синтаксического словообразования наречий можно изобразить следующим образом:

1. Наречия, образованные путем слияния разных основ.

2. Наречия, образованные путем сочетания знаменательных и служебных слов.

3. Наречия, образованные путем удвоения, парования основ.

4. Наречия-идиомы.

5. Наречия, образованные от глагольных форм.

6. Наречия, образованные из звукоподражательных и образных слов.

Внутри этой общей схемы каждый конкретный язык имеет как формы синтаксического словообразования, общие со всеми родственными языками или с группой языков, так и формы, присущие только этому языку.

1. Образование наречий через основослияние

Этот способ заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы разных частей речи, органически сливаясь, претерпевая при этом различные взаимообусловленные фонетические изменения, образуют новое слово с единым наречным значением.

При этом часто составные компоненты образовавшегося наречия сохраняют внутреннюю взаимозависимость, в частности, один из них выполняет функцию определителя какого-нибудь признака по отношению к другому.

Этим способом возникли наречия следующих типов:

I. Наречия, образованные путем слияния указательного местоимения *бу* с именами существительными *кюн*, *кече*, *йыл* (*джыл*) и т. д. в форме основного падежа ед. ч.: *бюгюн* „сегодня“, *бюгече* „сегодня ночью“, *бийыл* „в этом году“. Нетрудно заметить, что в словах *бюгюн* и *бийыл* в силу влияния известного закона гармонии гласных первый компонент — местоимение *бу* — фонетически видоизменяется. Этим же путем произошли наречия *бюрсюкюн* „послезавтра, позавчера“, *бирсикече* „позавчера ночью“, образованные путем слияния местоимения *бирси* с им. сущ. *кюн* и *кече*.

1. *Даум, ийнан, бюгюн сени эчкилеринг джыйылган кюндю* (Х. О. „Дерт“). „Даум, согласись, ты сегодня не в духе.“

2. *Школ бийыл окзуу джилны бошалганына джыйылыб, кзууанч этеди* (Х. О. „Дерт“). „Школа в этом году проводит выпускной вечер“.

3. *Ах, мен джарлы бюгече мен бир хатадан кьалгьанма* (Х. О. „Дерт“). „Ах, я несчастная, сегодня ночью я еле жива осталась“.

II. Путем слияния числительного *бир* „один“ с наречием меры *аз* „мало“ произошло новое наречие меры *бираз* „немного, несколько“.

Зайнеб да, бираз орнундан алгьаракъ тебиб... эринчиклерин бир бирине джоппу джыя... (Къ. А. „Кесимме терс“). „Зайнеб, немного выдвигаясь вперед, сжимая свои губки...“

III. Наречия *олсагьатда* „тотчас“, *бусагьатда* „в данный момент, сейчас“ произошли путем слияния указательных местоимений *бу* и *ол* с им. сущ. *сагьат* в форме местного падежа. Эти же наречия могут быть в форме и исход. падежа.

Наречия *олсагьатлай* „тотчас“, *бусагьатлай* „сейчас же“ образовались из местоимений *ол*, *бу* и существительного *сагьат* с помощью наречного аффикса.

1. *Бусагьатда мени тохтатхан кёзле уа башха*

тюрлюле эдиле (Къ. А. „Кесимме терс“). „Глаза, которые меня сейчас остановили, были не теми“.

2. Юйге кетмечигиз, биз бусагъат келебиз (Х. О. „Дерт“). „Вы не уходите домой, мы сейчас придем“.

3. Олсагъатдан Сапар, секириб оркундан Ёрге къобуб, Хаджоску аллына келиб... (Э. Х. „Къанаматны джуртунда“). „Тотчас Сапар встал с места и, подойдя к Хаджосу...“

IV. Сращением существительных *танг* „рассвет“ и *эртден* „утро“ с послелогом *-бла* образовались наречия времени *тамбла* „завтра“ и *эртденбла* „утром“.

Ким биледи, дуня бюгюн былай, тамбла алай барады, биз джарлылагъа да тууар эсе уа бир джарыкъ кюн (Д. Кубанов „Таулада таууш“). „Кто может знагъ, может, и к нам счастье придет—жизнь сегодня такова, а завтра может быть иной“.

Образование наречий путем словосложения продуктивно во всех тюркских языках. Для сравнения приведем примеры из родственных языков кыпчакской группы.

Тат. *бервакыт* „вдруг“, *беркён* „однажды“, *беркадар* „несколько“, *бераз* „немного“, *харвакыт* „постоянно“ и др.

Каз. *бюгин* „сегодня“, *бийыл* „в этом году“, *былтыр* „в прошлом году“, *биржолата* „совсем“, *биркыдырыу* „довольно много“, *кыстыгюню* „зимой“, *кюздюгюни* „осенью“ и др.

Ног. *туьнегуьн* „вчера“, *бийыл* „в этом году“, *буьгуьн* „сегодня“, *кайзаман* „когда“, *соьтитип* „таким образом“, *бирсигуьн* „позавчера“, *бираз* „немного“ и т. д.

Кум. *бираз* „немного“, *бюгюн* „сегодня“, *бусагъат* „сейчас“, *шоасагъат* „тотчас“ и др.

2. Образование наречий путем сочетания имен с послелогоми

Сочетание имен с послелогоми в қарачаево-балкарском языке является особенно продуктивным средством синтаксического образования наречий. Выполняя роль служебных элементов, послелогои вместе с тем в сочетании с различными именами в предложении выража-

ют различные обстоятельственные отношения: временные, пространственные, причинно-целевые и др. Укреплению позиции наречного значения в таком сочетании способствует и грамматическая связь между именем — знаменательным словом и послелогом — служебным словом.

Сочетаясь с именами существительными, числительными, местоимениями, с самими наречиями и другими знаменательными частями речи, в образовании наречий участвуют послелого: *бла, бери, дери, сайын* и некоторые другие.

1. Наречия с послелогом *бла* (соответствуют русскому предлогу „с“).

Форм образования наречий путем сочетания имени с послелогом *бла* в карачаево-балкарском языке очень много. Основные из них следующие:

а) наречия образа действия: *кёлю бла* „серьезно“, *кёзюю бла* „по очереди“, *кертиси бла* „вправду“ и др., образованные путем сочетания имени существительного с аффиксом принадлежности и послелога *бла*;

б) наречия меры и степени: *джылла бла* „годами“, *кечеле бла* „ночами“, *кюнле бла* „днями“, *арбала бла* „арбами“, *челекле бла* „ведрами“, *бёчкеле бла* „бочками“ и др., образованные путем сочетания имен существительных в форме основного падежа мн. ч. с послелогом *бла*.

2. Наречия с послелогом *ары, бери, дери*:

а) наречия времени типа: *бюгюнден ары* „отныне“, *бусагъатдан ары* „с этого момента“, *бийылдан ары* „с этого года“ и т. п., образованные сочетанием субстантивированных наречий в форме исходного п. ед. ч. с послелогом *ары*.

Этим же путем образуются наречия с послелогом *бери*: *эртдеден бери* „издавна“, *тюненеден бери* „со вчерашнего дня“, *кёбден бери* „издавна“, *бурундан бери* „испокон веков“ и др.

Кёбден бери джангур болмай, кюнбетде юйлени башлары замансыз саргъалыб тебрегендиле (Х. А. „Къара кюбюр“). „На солнцепеке крыши домов стали желтеть, так как давно не шел дождь“.

б) наречия времени и места: *бюгюннге дери* „до сего дня“, *бийылгга дери* „до этого года“, *тамблагга дери* „до завтра“, *бусаггатха дери* „до сих пор“ и др., образованные путем сочетания падежных форм субстантивированных наречий с послелогом *дери*.

Бусаггатха дери шум болуб келген шоферну тили ачылды... (А. С. „Адамлык“). „Шофер, который до сих пор молчал, вдруг заговорил“.

3. Наречия с послелогом *сайын*:

а) наречия времени и места типа: *ингир сайын* „каждый вечер“, *кюн сайын* „ежедневно“, *джыл сайын* „ежегодно“, *эртден сайын* „каждое утро“, *юй сайын* „по всем домам“, *орам сайын* „по всем улицам“ и др., образованные от имен существительных с временным и пространственным значением в форме основного п. ед. ч. с послелогом *сайын*.

Местоимения образуют наречия причины в сочетании с послелогом *ючюн*: *аны ючюн* „поэтому“, *не ючюн* „почему“, *не ючюн эсе да* „почему-то“.

Числительные образуют наречия с послелогом *кере*: *бир кере* „однажды“, *эки-юч кере* „несколько раз“, *биринчи кере* „первый раз“, *эки кереге* „вдвое“, *юч кереге* „втрое“.

3. Образование наречий путем повторения или удвоения основ

Наречия, образованные способом повторения или удвоения основ, представляют собой парные сочетания имен и наречий, лексически используемых для определения качества действия или состояния. Такие сочетания состоят из основ синонимных или антонимных. Составными компонентами таких сочетаний могут быть основы имен существительных, числительных, местоимений, прилагательных и самих наречий. При парном употреблении оба компонента парного сочетания теряют свое первоначальное значение той части речи, к которой они относятся, и приобретают отвлеченное значение обстоятельственного слова—выразителя качественной характеристики действия и переходит в категорию наречий. Основным критерием при определе-

нии таких наречий являются их лексико-самантические и грамматические особенности, слова в процессе парного употребления принимают лексическое значение и грамматические признаки, которые присущи наречиям.

1. Наречия, образованные путем удвоения синонимных основ, делятся на две большие группы:

1. Наречия-повторы от синонимных основ, имеющих одинаковое морфологическое оформление. Это могут быть наречия от:

а) основ имен существительных, прилагательных, числительных в форме основного п. ед. ч. *эл-эл* „селами“, *орам-орам* „улицами“, *кёзюу-кёзюу* „поочередно“, *кёш-кёш* „группами“, *дженгил-дженгил* „быстро“, *бир-бир* „по-одному“, *эки-эки* „подвое“ *минг-минг* „тысячами“.

Къямьт, сол кёолун алгъа тутуб, бармакъларын кёзюу-кёзюу бкклеб, санаб башлады (Д. К. „Таулада таууш“). „Канамат вытянул левую руку, поочередно сгибая пальцы, начал считать“.

Характерной чертой таких наречий является то, что в удвоении этих основ не принимает участия связующий грамматический элемент.

2. Вторую группу составляют наречия, образованные путем повторения синонимных основ, имеющих разное морфологическое оформление. Характерной чертой этой группы наречий является то, что в удвоении их элементов участвует морфологическая связь—падежная форма. Эта морфологическая форма, осуществляя грамматическую связь между компонентами, одновременно сливает их и лексически. Эта группа наречий может образовываться такими путями:

а) от основ имен существительных, один из компонентов которых употреблен в форме исх. п. ед. ч., а второй в форме направительного п. ед. ч.: *бетден-бетге* „лицом к лицу“, *джылдан-джылгъа* „год от году“, *кюнден-кюнге* „день ото дня“, *кёзден-кёзге* „с глазу на глаз и др.

Большевикле кюнден-кюнге кёб болуб, ...аланы бир къауумларын да Сибирь сындыралмайды (Д. Кубанов „Таулада таууш“). „Число большевиков растет день ото дня, многих из них даже Сибирь не сломила“.

б) от основ имен существительных, один из компонентов которых употреблен в форме основного па-

дежа ед. ч., а второй—в форме исх. п. ед. ч.: *джыл-джылдан* „из года в год“, *кюн-кюнден* „со дня на день“, *сагъат-сагъатдан* „час от часу, через каждый час“, *джер-джерден* „со всех концов, отовсюду“ и т. д.

Юбияргъа джер-джерден алгъыш телеграмма-ла келдиле. „Юбияру отовсюду поступали поздравительные телеграммы“.

в) от основ субстантивированных прилагательных и наречий, один из компонентов которых употреблен в форме исх. п. ед. ч., а второй—в форме основн. п. ед. ч.: *гитчеден-гитче* „все меньше и меньше“, *ариудан-ариу* „все красивее“, *эршиден-эрши* „все хуже и хуже“, *ачыкъдан-ачыкъ* „всё откровеннее“, *бекден-бек* „все крепче и крепче“, *акъырындан-акъырын* „все тише и тише“ и др.

г) от двух основ, одна из которых стоит в форме основного п. ед. ч., а вторая—в форме мес. п. ед. ч.: *бир-бирде* „иногда“, *джер-джерде* „всюду“ и др.

„...*бир-бирде джұлдуз сёдегей учуб, къуйругъу бла окъа тухтуйла тюе, кёгде сыз тартыб, къарамдан ташады...*“ (Д. Қ. „Таулада таууш“). „...иногда звезда в полете, сверкнув хвостом, описав узоры золотые, скрывается...“

д) от двух основ, одна из которых фонетически видоизменяется и служит для усиления, интенсификации наречного значения: *тепбе-тенг* „как раз, ровно“, *боппа-бош* „совершенно зря, попусту“, *туппа-туура* „прямо“, *джеп-дженгил* „быстренько“ и др., сюда же относятся наречия типа *анда-санда* „там-сям“, *кюнден-бутдан* „насилу“. Слова, составляющие вторую часть этих наречий, как видно, не имеют самостоятельного лексического значения и в языке самостоятельно не употребляются.

II. Наречия-повторы, образованные от основ с антонимным значением, по своему образованию более однотипны. В основном состоят из:

1. Сочетания основ с одинаковым морфологическим оформлением: *эртден-ингир* „по утрам и вечерам“, *кече-кюн* „по ночам и дням“, *онгуна-солуна* „направо-налево“, *джай-къыш* „зимой и летом“ и т. п.

„...*къойнумда тургъан къызчыкъны къалай ийиб*

кўойдум, артыкъсыз да бек бюгюн-бюгече са анга кюеме..." (А. С. „Адамлыкъ“). „И как я могла упустить девочку из рук, до сих пор днем и ночью я думаю об этом“.

2. Сочетания противоположных по значению наречий типа: *анда-мында* „там-сям“, *ёрге-энишге* в значении „взад-вперед, туда-сюда“, *ары бери* „туда-сюда“, *бюгюн-тамбла* „сегодня-завтра“ и др.

Мы видим из вышеизложенного, что при образовании наречий путем повторения различных основ широко участвуют сами наречия, т. е. многие сложные наречия представляют собой парные сочетания различных форм пространственных падежей субстантивированных наречий (такие, как *анда-мында*, *ёрге-энишге*, *солуна-онгуна*, *онгуна-солуна* и др.). Во-первых, падежные признаки в таких наречиях свидетельствуют о том, что процесс изоляции падежных форм и перехода их в наречия происходил в языке раньше, чем описываемый процесс парования наречий¹.

Во-вторых, новое наречие, образованное парным употреблением двух наречий, не всегда обозначает новое понятие, отличное от единичного, оно только дает новый семантический оттенок наречию. Например, *тез* „быстро“, *тез-тез* тоже „быстро“. Второе наречие отличается большей выразительностью. В стилистике такие наречия используются для эмоциональной окраски речи.

Синтаксический способ образования наречий путем парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в тюркских языках. В каждом отдельном языке приемы такого словообразования своеобразны и формы парных наречий специфичны для каждого языка. Сходство между отдельными тюркскими языками в этом плане заключается в общности метода синтаксического оформления слов, переходящих в категорию наречий.

¹ О. С. Фузайлов. Наречие в современном узбекском языке. А. к. д. М., 1953.

Компоненты парных наречий в каждом языке различны по своему характеру, по грамматической природе и по лексическому значению. Общим для всех языков является то, что при парном употреблении в функции обстоятельственных слов различных морфологических форм имени происходит лексическое и грамматическое переосмысливание их.

Парные наречия составляют значительные группы в каждом отдельном языке. В родственных языках они представляют собой самые разнообразные формы сочетаний.

Например: тат. *вакыт-вакыт* „временами“, *берам-берам* „по-одному“, *жаен-кышын* „зимой и летом“, *кёнен-тёнен* „днем и ночью“, *ары-бире* „туда-сюда“, *тиз-тиз* „быстро“, *чын-чыннан* „вправду“, *борын-борыннан* „издавна, с давних времен“, *аувал - аувалдан* „в первую очередь, сначала“, *гомер-гомерга* „на всю жизнь“.

Каз. *аренг - аренг* „едва-едва“, *азер - азерге* „едва-едва“, *енди-енди* „вот-вот“, *бурын-сонды* „давным-давно“, *кёзбе-кёз* „с глазу на глаз“, *зоргъа-зоргъа* „насилу“, *сёзбе-сёз* „слово в слово“, *бир-бирден* „по-одному“, *топ-тобымен* „группами“, *куннен-кунге* „из дня в день“, *жылда-жылда* „ежегодно“ и др.

Ног. *ары-бери* „туда-сюда“, *бир-бирде* „временами“, *бектен-бек* „крепко-накрепко“, *ковзден-ковзге* „с глазу на глаз“, *ялгыз-ялгыз* „наедине“, *айрым-айрым* „вразброд“, *кушке-кушке* „кое-как“, *акырын-акырын* „потихоньку“, *ян-якка* „вразброд“, *оьмир-оьмирге* „навек“, *аз-аздан* „мало-помалу“ и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что также как и в карачаево-балкарском языке в образовании парных наречий в сравниваемых языках участвуют многие части речи. По своему морфологическому оформлению эти наречия разнообразны. В образовании большинства сложных наречий участвует грамматический элемент—морфологическая форма слова. Особенно используются при этом формы пространственных падежей.

4. Наречия—устойчивые сочетания

Некоторую группу наречий, образованных синтаксическим путем, в карачаево-балкарском языке составляют наречия—устойчивые сочетания и идиоматические выражения. Этот тип наречий представляет собой сочетание двух, а иногда и трех слов, графически изображенных раздельно, но лексически воспринимаемых как одно слово с единым наречным значением. Часть таких наречий образуется сочетанием производных форм таких слов, как *джол*, *джан*, *къадар*, *бир*, *заман* и слов из различных частей речи: *онг джанында* „справа, с правой стороны“, *огъары джанында* „наверху“, *тёбен джанында* „внизу“, *ол къадар* „сколько много“, *къаллай бир* „сколько“, *бу къадар* „вот сколько“, *не къадар* „сколько ни“, *къаллай бир* „сколько“, *аллай бир* „так много“, *бир кюн* „однажды“, *о джол* „тот раз“, *бир заманда* „вдруг“, *быллай бир* „вот сколько“, *бир джолда* „однажды, один раз“, *ол заманда* „тогда“, *эртде заманда* „в давние времена“, *алгъын заманда* „раньше, в давние времена“.

Слова *джол*, *джан*, *къадар*, *бир*, *заман* в таких сочетаниях, вместе со своими компонентами, выражают различные отвлеченные обстоятельственные понятия.

К подобным наречиям относятся такие сочетания, как *кеси аллыма*, *кеси аллынга*, *кеси аллына*, что означает приблизительно „по собственному желанию“. Эти наречия образуются путем сочетания возвратного местоимения *кеси* „сам“ и существительного *ал* „перед“ с личными окончаниями. Это существительное в данных сочетаниях получает вспомогательное значение.

К группе наречий-идиом относятся также сочетания: *танг аласында* „под утро“, *ингир ала* „к вечеру“, *кече ортасында* „в полночь“, *башдан иякъ* „все подряд“, *алгъы бурун* „прежде всего“.

В других тюркских языках указанного типа наречия также встречаются. Например, в казахском языке: *кундерде бир кун* „однажды“, *ертеден къара кешке* „с утра до вечера“, *ала жаздай* „все лето“, *ала къыстай* „всю зиму“, *къаспен коздинъ арасында* „вмиг,

не успел ахнуть" и др., в тат.: *кюз ачыл йомганчы* „в мгновение ока“, *кённёрда бер кён* „в один из дней“, в ног.: *кеш туьнде* „поздно ночью“, *кашан болса да* „когда-нибудь“, *коьп болмай* „недавно“, *эртеси куйнге* „назавтра“ и др.

5. Отглагольные наречия

Наречия образуются в основном из двух форм глагола: деепричастия и причастия. Наречия, образованные от деепричастия, внешне остаются деепричастиями, но семантика и функция в предложении этих слов не имеют ничего общего с формами глагола. Потому что, переходя в наречие, деепричастие теряет все видо-временные признаки глагола, лексически обозначает не действие, а признаки его.

1. *Мусса олтуруб китаб окъуй тура эди.* „Мусса сидя читал книгу“. 2. *Мусса китабны олтуруб окъуй эди.* „Мусса книгу читал сидя“. В первом случае слово *олтуруб* является как бы вспомогательным элементом в образовании сложного глагола *олтуруб окъуй тура эди*. Оно сопутствует главному действию, сопровождает его, обозначает второстепенное действие. Слово *олтуруб* в этом случае тоже выражает обстоятельственное отношение в предложении (в частности, оно указывает на способ совершения действия). Но вместе с тем, оно семантически в большей степени сохраняет значение глагола. „Мусса сидя читал книгу“—это равносильно: „Мусса сидел и читал книгу“. Во втором случае слово *олтуруб*, усиливая в себе значение качества действия, теряет глагольные признаки и полностью становится наречием: Мусса книгу сидя читал, но не стоя и не лежа. Слово *олтуруб* уже не обозначает действия, а определяет его качества.

Таким образом, внешне оставаясь в оболочке обычных деепричастий, но отграничиваясь от них семантически, форма глагола—деепричастие—способна стать наречием. Деепричастные наречия можно разделить на одиночнооформленные, парнооформленные и сложные. Одиночнооформленными считаются те деепри-

частные наречия, которые образовались путем изолирования деепричастия из глагольной системы в форме одного слова. Это наречия, образованные от деепричастий: с аффиксами *-б, -ыб, -иб, -уб, -юб*: *айландырыб, кэйтэрыб* в значении "снова, повторно", *созуб* "протяжно", *ашыгыб* "второпях"; с аффиксом *-й*—после аффикса отрицания: *билмей* "случайно", *тохтамай* "непрерывно", *туракэламай* "немедленно" и др. Критерием определения таких наречий является только семантика их.

Наиболее распространенной формой деепричастных наречий являются парнооформленные. Они образуются путем удвоения или повторения различных деепричастных форм. Этот способ довольно активный. Указанным путем образуются наречия от деепричастных основ с синонимным значением. Наречия, образующиеся путем повторения синонимных деепричастных основ: а) на *-а, -е, -й*: *бара-бара* "попутно, по пути туда", *келе-келе* "по пути сюда, попутно или постепенно", *абына-сюрюне* "впопыхах, рассеянно", *тыгыла-сугула* в значении "успевая везде", *ойнай-кюле* "весело", *джылай-сарнай* "в слезах", *арымай-талмай* "без усталости", *урмай-сокэмай* "мирно", *кёрмей-билмей* "не зная" и т. д.; б) на *-б, -иб, -ыб* только в положительной форме: *арыб-талыб* "уставши", *ойнаб-кюлюб* "весело", *барыб-барыб* "где-то далеко", *туруб-туруб* "поздно, не вовремя". Путем повторения антонимных основ наречия образуются от деепричастий на *-а, -е, -й*: *джыгыла-тура* "падая", *джатакэоба* "едва на ногах", *бара-келе* "посещая" и др.

Сложными деепричастными называются наречия, образованные путем сочетания имени с деепричастием. Они представляют собой неразложимые сочетания слов, т. е. фразеологические единицы с постоянным значением наречия: *кэз кёре* "открыто, не тайно", *ауузун ачыб* "раскрыв рот", *талагы туруб* "запыхавшись при беге", *бурнун салындырыб* "повесив нос", *эрнин-бурнун чюйюруб* "пренебрежительно", *кэшын-башын тюйюб* "сердито", *узакэ бармай* "недалеко", *кэб болмай* "недавно" и др.

Причастия менее продуктивны в образовании наречий. Они образуют наречия в сочетании с различными именами и глаголами: *бир ургэанлай* "одним ударом",

биле тургъанлай „нарочно“, билмей турагъанлай „внезапно“ и т. д.

От личных форм глагола образованы некоторые наречия типа *келир-келмез* „как только пришел“, *джетер-джетмез* „едва дошел“ и т. д., представляющие собой удвоение положительной и отрицательной основ глаголов.

6. Наречия, образованные из звукоподражательных и образных слов

Этого типа наречия по форме походят на наречия отглагольного происхождения потому, что вспомога-тельную часть их составляют деепричастия *деб*—буквально „сказав“ и *этиб*—буквально „сделав“. С помощью этих деепричастий наречия образуются от различных звукоподражательных и образных слов.

Приведем примеры:

1. *Бир заманда таркъ-таркъ деб Къыямьтны юю табадан бир харс чыкъды* (Х. А. „Къара кюбюр“). „Через некоторое время со стороны дома Кыямыта со звуками „тарк-тарк“ раздался харс“¹.

2. *Тёбен джанында къулакъдан гуу-гуу деб танг аласына уянган тюккю къычырды* (О. Х. „Аманат“). „Снизу из ущелья на рассвете „гуу-гуу“ завывла лиса“.

Наречия *таркъ-таркъ деб* со звуками „таркъ-таркъ“, *гуу-гуу деб* со звуками „гуу-гуу“ образованы от звукоподражаний *таркъ-таркъ*, *гуу-гуу* с помощью деепричастия *деб*.

1. *Джаш заманымда оу-шау эте, къалай болду эсе да, башымы тутаргъа кюрешдим* (Х. А. „Къара кюбюр“). „Пока я был молод, хотя и с трудом (*оу-шау эте*), но прокормил себя...“

2. *Алымчы бир уллу таякъны алыб, аны бла адамланы аякъларын сызыб да кюрешди, алай болгъанлыкъгъа таякъ аягъын ачитхан амма-джукка эте бир джанына джанлайды* (Х. А. „Къара кюбюр“).

„Алымчы“², взяв палку в руки, хлестал по ногам,

¹ Харс — ритмичное хлопанье в ладоши во время танца.

² Алымчы — распорядитель во время свадебного торжества.

но каждый старался, хоть и вприпрыжку, но вовремя отойти в сторону“.

Наречия *оу-шау эте* „с трудом“, *амма-джукка эте* „вприпрыжку“ образовались с помощью деепричастий *этиб* в форме настоящего времени—*ете*.

В основном эти наречия образуются путём сочетания удвоенных основ звукоподражательных и образных слов и названных деепричастий: *тарх-турх деб*, *тарс-турс эте*, *чыкзар-чукзур этиб* и др. Как видно, при удвоении основ происходят иногда фонетические изменения: гласная *-а* во второй части переходит в *-у*.

Наречие *дыб демей*, означающее „молча, не пикнув, без вопля“ образовалось сочетанием звукоподражания *дыб* с отрицательной формой деепричастия *деб*.

IV. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ

Адвербиализация

Вопрос об адвербиализации достаточно освещен в научной литературе. Мы только отметим, что переход других частей речи в наречия наблюдается и в карачаево-балкарском языке. Основной признак адвербиализаций в карачаево-балкарском языке, также как и в других тюркских языках, заключается в том, что то или иное слово, постоянно выполняя функцию наречия, фактически остается в системе той части речи, к которой оно принадлежит. В лексико-грамматическом плане адвербиализующиеся слова, если не брать во внимание их синтаксические позиции, не имеют никаких признаков наречий.

1. *Артыкзлыкзга, эскиликге*
Къаршчы къобуб...
Ленин болду насыб ючюн
Кюреш этген

(Х. Джаубаев).

„Насилию, старому миру
Противником став,
Ленин стал борцом
За счастье“.

2. *Кёкюрекге сыйымайын кзууанчым,
Джетгенича ийнакъларгъа кзулачым...*

(Х. Джаубаев)

„Радостью наполнившись, грудь моя
Распятыми объятиями навстречу...”

3. *Минг джашасын Партия, сау дунияны
кваласы*

(Из народной лирики).

„Пусть тысяча раз живет партия — опора
мира”.

Подчеркнутые слова (имя, причастие, числительное) в предложении являются обстоятельствами, обозначают признаки действия. Но они не потеряли те лексико-семантические и грамматические признаки, которые присущи этим частям речи, следовательно, их нельзя назвать наречиями. В данном случае сближение с наречиями в лексико-грамматическом плане имеется, но это сближение частичное и временное, по грамматическим признакам эти слова невозможно отделить от тех частей речи, к которым они принадлежат, и присоединить к наречиям.

Исходя из этого, такое употребление других частей речи в функции наречий надо рассматривать как адвербиализацию этих частей речи, обусловленную особенностями их синтаксического употребления. Это так называемый частичный переход других частей речи в наречия, где мы имеем дело с перемещением лишь в синтаксической функции слова, без изменения его в лексико-семантическом отношении.

Следующий способ перехода других частей речи в наречия—это переход, именуемый в лингвистической литературе полным переходом, или „лексическим” переходом¹. Этим путем наречия пополняются исторически с древних времен. Если проанализировать неко-

¹ А. Гулямов. К вопросу об адвербиализации в узбекском языке. Ученые записки Ташгоспединститута, вып. II, филол. Т., 1951.

торые наречия с точки зрения их этимологии, то можно установить, что ряд наречий образовался путем лексико-семантической изоляции от других частей речи. Так, происхождение наречия общетюркского распространения *бек* „очень“, по мнению многих тюркологов, исторически восходит к прилагательному со значением „крепкий, прочный“. Происхождение наречия *энь* (в карачаево-балкарском — *эм*) „весьма, наиболее“ Н. К. Дмитриев выясняет из башкирского слова *иньсе* (ширина плеч)¹.

Некоторые имена существительные в настоящее время находятся на стадии такого перехода. Это такие слова, как *кече* „ночь, ночью“, *кыш* „зима, зимой“, *джай* „лето, летом“, *джаз* „весна, весной“. Эти имена и сейчас еще называют предметы и признаки действий одновременно, т. е. они не перешли полностью в разряд наречий, а представляют собой лексико-грамматическую омонимию в области наречий и др. частей речи.

В некоторых тюркских языках переход таких слов в разряд наречий произошел полностью, но здесь имел место не лексический переход, а грамматический, т. е. процесс перехода этих слов в наречия ускорился участием морфологического момента — аффикса *-ин*. Таковы наречия в турецком языке: *кишин* „зимой“, *язин* „летом“, *гюзюн* „осенью“.

Таким образом, говоря о „лексическом переходе“ других частей речи в наречия, надо отметить два факта: первое — то, что слова, переходящие в наречия этим способом, делятся на ряд слов, перешедших в наречия и ряд слов, претерпевающих процесс такого перехода. Слова первой группы входят в состав наречий, и они являются наречиями. В словах же второй группы наблюдается лишь тенденция к полному переходу.

Б. НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НАРЕЧИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Неизменяемость является одним из основных морфологических признаков наречий. Принято считать, что слово становится наречием, когда оно выходит из си-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 1948, стр. 110.

стемы словоизменения, теряет всякий вид словоизменительных форм. Но надо сказать, что этот критерий для тюркских языков не всегда и не в одинаковой мере приемлем. „Критерии неизменяемости наречий и различие их, особенно по связи с существительными, чрезвычайно условны. Понятие неизменяемости мы устанавливаем из сопоставления наречий с соответствующими формами существительного и их реального значения, т. е. устанавливаем, предметно ли значение в каждом данном случае или не предметно, поскольку в форме наречий мы находим преимущественно косвенные падежи существительных с послелогами «или без них»¹, — писал А. А. Боровков. Это положение подтверждается и фактами карачаево-балкарского языка. В карачаево-балкарском языке наречие имеет некоторые словоизменительные формы, например, грамматические окончания падежей, личные окончания, окончания множ. числа, степеней сравнения и т. д. Таким морфологическим „превращениям“ подвергаются не все наречия. Например, способность изменяться по падежам имеют только простые производные наречия, такие, как: *быыл* „в этом году“, *бытыр* „в прошлом году“, *бюгюн* „сегодня“, *тамбла* „завтра“, *бюрсюкюн* „послезавтра“, *тюнене* „вчера“. Принимая формы пространственных падежей, эти наречия субстантивируются. Например, *бытырдан*, *бюгюнден*, *бурундан* и т. д.

Падежные формы многих наречий используются для образования некоторых сложных наречий: *аздан-аз* „все меньше и меньше“, *кёбден-кёб* „все больше и больше“, *бытырдан бери* „с прошлого года“, *бюгюнден ары* „с сегодняшнего дня“ (см. „Синтаксический способ образования наречий“).

Способность некоторых наречий принимать после себя падежные окончания является результатом исторического развития категорий наречий, а именно того, что некоторые имена, перешедшие в состав наречий, „перенесли с собой“ свою грамматическую способность изменяться по падежам.

Некоторые наречия могут изменяться по лицам:

¹ А. К. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы, «Революция и письменность», № 2, М., 1936, стр. 47.

Например:

ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1. алайма	алайбыз	алгъама	алгъабыз
2. алайса	алайсыз	алгъаса	алгъасыз
3. алайды	алайдыла	алгъады	алгъадыла

Подобного типа наречия, изменяясь по лицам, в предложении служат сказуемыми, но как части речи остаются наречиями.

За исключением некоторых агглютинативных форм типа: *алгъынлада* „когда-то, в давние времена“, *арыракълада* „где-то в тех местах“, *бийыллада* „когда-то, в эти годы“, *бир-бирледе* „иногда, временами“ и др., изменения наречий по числам не наблюдается.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения. Степени сравнения образуют как первообразные, так и простые производные наречия, одиночнооформленные. Наречия в карачаево-балкарском языке имеют три степени сравнения: положительную (или усилительную), превосходную и уменьшительную. В отличие от прилагательных, положительная (или усилительная) степень наречий означает не степень качества предмета, а указывает на усиление или ослабление абстрактного признака действия. Положительная степень наречий образуется с помощью тех же аффиксов, что служат для образования положительной степени прилагательных, т. е. аффиксов **-ракъ**, **-рек**, **-ирек**, **-ыракъ**, **-уракъ**, **юрек**: Например: *алайыракъ* „приблизительно так“, *былайыракъ* „приблизительно вот так“, *акъыртыныракъ* „почтише, помедленнее“, *биргерек* „приблизительно вместе“, *джегиллирек* „побыстрее“, *джашыртыныракъ* „тайком“, *арыракъ* „подальше“, *берирек* „поближе“, *ёргерек* „повыше“, *энишгерек* „пониже“, *алгъаракъ* „пораньше“, *кечирек* „позже“, *азыракъ* „поменьше“, *кёбюрек*

„побольше“, *артигъыракъ* „побольше“, *кемирек* „поменьше“ и т. д. Превосходная степень наречий образуется с помощью слов *эм* „самый“, *бек* „очень“, *асыры* „слишком“. Превосходная степень указывает на превосходство качества признака одного действия над качеством признака другого: *бек дженгил* „быстренько, очень быстро“, *бек акъыртин* „очень медленно“, *бек ёрге* „очень высоко“, *бек энишге* „очень низко“, *бек узакъда* „очень далеко“, *эм алгъа* „впереди всех“, *эм артха* „позади всех“, *эм алгъы бурун* „прежде всего“, *асыры амалсыздан* „от растерянности“, *асыры ачыудан* „со злости“. Одной из форм превосходной степени наречий можно считать форму интенсива, когда наречия для усиления своего значения образуют сложные формы, где рядом с основным наречием появляется слово, фонетически созвучное с наречием, но не имеющее лексического значения, таких слов немного: *джеп-дженгил* „очень быстро“, *эрлай-бурлай* „быстренько“, *кючден-бутдан* „с большим трудом“, *анда-санда* „там-сям“.

Явления образования степеней сравнения невозможно объединить под одно правило. Не все наречия и не в одинаковой степени подчиняются законам образования степеней сравнения. Это говорит о том, что сам этот процесс, видимо, начался не так давно и трудно говорить о формах степеней сравнения как о чем-то уже завершившемся в своем формировании.

Наименее развитой формой степеней сравнения наречий является уменьшительная степень.

Непосредственно от основ самих наречий уменьшительная степень образуется в очень редких случаях: *изчыкъ* „маленько, очень мало“, *акъыртинчыкъ* „тихопечко“, *джашыртынчыкъ* „тайком“, *бусагъатчыкъда* „в данный момент“. Больше уменьшительная степень образуется от форм положительной степени с помощью аффикса *-чыкъ*: *арыракъчыкъ* „чуть дальше“, *бериракъчыкъ* „чуть ближе“, *энишгерекчик* „чуть пониже“, *алгъаракъчыкъ* „чуть вперед“, *эртдерекчик* „чуть пораньше“, *азыракъчыкъ* „чуть меньше“ и др.

Таковы типы образования степеней сравнения наречий в карачаево-балкарском языке.

ГЛАВА IV

СИНТАКСИС НАРЕЧИЙ

Наречия в карачаево-балкарском языке, как и другие части речи, подчиняются определенным синтаксическим законам, вступая в синтаксическую связь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. Как правило, в образовании словосочетаний участвует несколько грамматических средств — это падежные, личные и предикативные окончания, вспомогательные слова, порядок слов и интонация. Но не все части речи одинаково используют эти элементы для образования словосочетаний. Например, в образовании таких сочетаний, как *кючден джетдим* „едва добрался“, *эрлай джетдим* „моментально прибыл“, *бусагъатлай джетдим* „сейчас прибуду“ и др. не участвует ни один из вышеназванных элементов. В образовании таких словосочетаний играет роль внутренняя семантическая связь между словами. Это одна из характерных особенностей образования словосочетаний, в частности, образования словосочетаний с наречиями.

С какими бы словами не сочетались наречия в предложении, связь между ними и другими словами основана на примыкании. В связи слов словосочетаний, образованных путем примыкания, не участвуют грамматические элементы, сочетающиеся слова объединены только семантически.

Примеры:

кбалк. *акъыртын джюрюрге* „медленно ходить“, *джангыдан окзургъа* „заново читать“, *кючден-бутдан сёлеширге* „еле-еле говорить“, *тамбла барлыкъма* „пойду завтра“.

В предложении наречие выполняет обстоятельственные функции. Обстоятельства, выраженные наречиями, в предложении обозначают качество или способ действия, место или время его протекания или причинно-целевые условия процесса.

Примеры:

1. *Хан кызына хапар соргъанды, кызы башдан-аякъ болгарыча айтханды.* „Хан расспросил дочь обо всем, дочь рассказала все подряд, как было“.

2. *Керекли кенгден танытыр* (Пословица). „Дурак выдаёт себя издалека“.

3. *Эл сайын бирер ёгюзюм болгардан эсе, бирер джууугум болсун* (Пословица). „Чем иметь в каждом селе по быку, лучше иметь по другу“.

4. *Бюгече да, боранга, къаргъа къарамай, шахтагъа салыб келиб, иш барыча этгени аланы алларында Суратны сыйын бютюн да ёсдюргенди* (Х. Б. „Къарчаны юдегиси“). „И то, что сегодня ночью, несмотря на непогоду, пургу и метель, Сурат пришла и помогла наладить производство,—это подняло ее перед их глазами“.

Однако функция наречий в предложении не ограничивается выражением обстоятельств. Наречия могут выступать в значениях и других членов предложений, в частности, сказуемых, подлежащих (при субстантивации), определений и дополнений.

Выступая в роли сказуемых, наречия принимают предикативные показатели.

1. *Классда ийырмагъа окъугъанла ненчадыла?—деб сордум* (А. С. „Адамлыкъ“). „Сколько человек в классе учатся на отлично?—спросил я“.

2. *Да кимге барлыкъса, Домалай мындады сора? Даум да былайдады?* (Х. О. „Дерт“). „А к кому ты пойдешь, Домалай здесь? Даум тоже здесь?“.

3. *Комсомолчу хар къайда да алгъады.* „Комсомолец всегда впереди“.

Как видно, при этом меняется и место расположения наречия, как сказуемое оно перемещается на конец предложения.

Не всегда наречия, выполняя функцию сказуемого, принимают предикативные показатели. Характерный пример:

*Сен Баггыр эсенг—мен Къалай,
сен къалай эсенг—мен алай*

(Аппа Джанибеков).

„Если ты медь, то я жечь,
каков ты, таков и я“.

Или: *Сен ары—мен бери.*
„Ты туда, а я сюда“.

Как и сказуемые-глаголы, сказуемые-наречия, обозначающие время, принимают после себя вспомогательный глагол *эди*.

Театрда адам кёб эди. „В театре было много народу“.

Если наречие выполняет функцию сказуемого в отрицательной форме, то оно употребляется в сочетании с отрицательной частицей *түйюл* с показателем предикативности.

Биз баргъан заманда, тамада анда түйюл эди. „Когда мы пришли туда, то тамады там не было“.

Таковы случаи употребления наречий в синтаксической функции сказуемого.

Выполняя роль определений в предложении, наречия чаще принимают субстантивные показатели:

1. *Алайдагъы джаш мени къарнашым эди.* „Парень, который там стоял,—мой брат“.

В редких исключениях, больше в стилистически окрашенной речи, встречается употребление наречия в значении определения без субстантивных показателей. Это в таких фразеологических выражениях: как *эртде джаш айтханлай* „как сказал давно (давнишний) парень“, *эртде къыз айтханлай* „как сказала давно (давнишняя) девушка“ и т. д.

Пример из народного юмора:

Эртде келин айтханлай болгъанса. Бир келин эснегенди да адамла тургъанлай, сора: „Мен эки затдан эснеученме: бири—джукъум келсе, бири—ач болсам, джукъум а келмегенди...“—дегенди. „С тобой случилось так, как сказала давно (каких-то времен) невеста. Одна невеста зевнула при людях и говорит:

„Я в двух случаях обычно зеваю: первый—когда хочу спать, второй—когда хочу есть, спать-то я сейчас не хочу...“

Вообще, подобное употребление наречий в синтаксических функциях определений без грамматических показателей субстантивации весьма характерна для разговорной речи:

Бюгюн джашауубуз алааматды, тамблаггыбыз андан да алаамат болсун. „Сегодня (сегодняшняя) жизнь наша прекрасна, завтрашняя пусть будет еще прекраснее“.

Наречия употребляются и в значении подлежащих. Подлежащими в предложении могут быть только субстантивированные наречия.

Чаще наречия выступают в синтаксической функции дополнений.

1. *Эгечим, кёлюнгу иман этме, излейик, кёбюне тёзген азына да тёз* (А. С. „Адамлыкъ“). „Не расстраивайся, сестра моя, будем разыскивать, многое терпела, потерпи и малое“.

2. *Тамбласыны экинчи, ючюнчю кюнюнде бияггы мен терезеден кёз алмай, къарагъанлай турдум, алай а джашны эслемедим* (Къ. А. „Кесимме терс“). „На второй, третий день этого завтра я опять не отрывала глаз от окна, но парень не появился“.

3. *Бюгюнню оноуну кёюгъуз да, тамблаггыызгъа сизгъыш этигиз.* „Не думайте о сегодня, думайте о своем завтра“.

В предложении наречие как знаменательная часть речи обязательно сочетается с другими словами. В отличие от других знаменательных частей речи морфологическая неизменяемость наречий создает особый характер синтаксической связи их с глаголами, а именно—примыкание. Посредством примыкания наречия могут сочетаться с различными частями речи. Прежде всего наречия сочетаются со всеми формами глагола.

I. С личными глаголами.

Примеры;

1. *Бюгюн огъунакъ къысдайым, алай а малгъа башха аныча уста къарагъан джалчы уа къайдан*

табайым (Э. Х. „Къанаматны джуртунда“). „Я сегодня же его прогоню, только где мне найти другого работника, который так хорошо ухаживал бы за скотом“.

2. *Тохта, ол терезегизни ууата айланган ол шой эди, энди тюшдю эсиме.* „Подожди, это тот, кажется, который вам ломал окна, я теперь только вспомнила“.

II. С причастиями.

Джашчыкъ ары кетгенлей, Ёрюзбек да къошуна келиб, джашчыкъны да, отну да кёрмегенинде, былай айтханды... („Ёрюзбек“). „Как только мальчик ушел туда, Ёрюзбек пришел к себе в кош и, не увидев ни мальчика, ни огня, сказал...“

III. С деепричастиями:

Сора шифоньерни акъыртын ачыб, кёбдюреуюз бетли чепкенин кийиб, кюзгюню аллына сюелди... (Х. О. „Дерт“). „Затем, тихонько открыв шифоньер, она достала голубое платье и, надев его, встала перед зеркалом“.

IV. С инфинитивом:

Бир шыйых бар эди да, былайда джер юлюшюн табханды, мынга таймаздан зиярат этилирге керекди (из сказки). „Был один святой у нас, здесь мы его похоронили, надо всегда молиться за него“.

В некоторых случаях наречия сочетаются с различными именами. Например, с именами существительными наречия сочетаются в тех случаях, когда имя выступает в предикативном значении.

Бюгюн бизни къууанч кюнбюздю. „Сегодня у нас радостный день“.

Чаще в сочетаниях с именами употребляются наречия времени и наречия места. Из наречий других разрядов в сочетании с именами употребляются наречия меры и степени, такие как: *кёб* „много“, *аз* „мало“, *талай* „много“, *ненча* „сколько“, *бир талай* „очень много“ и др.

Например:

Тойгъа кёб къонакъ келген эди. „На свадьбу приехало много гостей“.

Эртде-эртде бир элге бир адам кѣчюб келгенди да, талай заманны не намазгъа бармагъанды, не да къадыгъа битир, зекят бермегенди („Апенди бла шыйых къабыр“). „Давно-давно в одно село приехал один человек, и много времени он не посещал мечеть и не давал ничего священнику“.

Сочетаясь с прилагательными, наречие может дополнять признак предмета, выраженный прилагательным, выступать как усилитель этого признака.

1. *Джашха кюн-кюнден тюрлю-тюрлю кѣб харекет, ачха тюшюб тебрегенди*. („Апенди бла шыйых къабыр“). „А парню стало поступать изо дня в день много различных приношений, много вещей и денег“.

2. *Сени тенгинг тамам иги адам кѣре эдим*. „Оказывается, твой товарищ—очень хороший человек“.

Такие наречия, как *эм, бек, тамам, асыры* и некоторые другие вступают в сочетания с именами прилагательными для образования аналитических форм их превосходной степени: *эм иги* „самый хороший“, *бек ариу* „очень красивый“, *асыры омакъ* „слишком нарядный“ и т. д.

Очень часто наречия сочетаются с самими наречиями. Например, два наречия времени могут стоять рядом и выражать признак одного действия. При этом первое из них имеет более общее, более широкое значение, а второе указывает на конкретный отрезок времени и уточняет первое:

Билмейбиз, Хорлам, бюгюн эртденбла табханбыз дедим да! (Х. О. „Дерт“) „Не знаем, Хорлам, я же сказал, что нашли его сегодня утром“.

Могут сочетаться наречия времени с наречиями места:

Бюгюн мында, тамбла анда. „Сегодня здесь, завтра там“.

Наречия могут сочетаться и с модальными словами. При этом модальные слова могут выполнять предикативные функции.

1. *Къатыны айтханды: „Энди,—дегенди,—киши, сен къызчыкъъланы ючюсюн да къоратыргъа керексе!“* („Юч къыз“). „Жена сказала: „Теперь, мой муж, ты должен убраться отсюда всех трех девочек“.

2. *Былайда экскурсиягъа бармазлыкъ джокъду.*
„Здесь нет нежелавшего ехать на экскурсию“.

Наречие в карачаево-балкарском языке стоит впереди слова, к которому оно относится, так как по своему значению оно является качественным определителем. Но не всегда наречие стоит непосредственно перед определяемым словом. Если значение наречия распространяется не только на смысл того слова, к которому оно относится, но и на смысл всего предложения, то оно стоит и в начале, и в конце предложения. А если значение наречия связано только с одним определенным словом, то оно стоит непосредственно перед этим словом.

Например:

1. *Быйыл бизни элде джангы школ ачыллыкъды.*

„В этом году в нашем селе откроется новая школа“.

2. *Бизни элде джангы школ быйыл ачыллыкъды.*

„В нашем селе новая школа откроется в этом году“.

Кроме того, если в одном предложении встречается несколько наречий, то впереди обычно стоят наречия времени и наречия места, а затем следуют наречия других разрядов.

Бюгюн былайда колхозчулары джыйылыулары боллукъду. „Сегодня здесь состоится собрание колхозников“.

Таковы синтаксические особенности наречий в карачаево-балкарском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ карачаево-балкарских наречий по значению, по образованию, по роли в предложении, обзор их особенностей в этом языке позволяет сделать некоторые выводы:

1. В современном карачаево-балкарском языке наречие—это самостоятельная часть речи, которая представляет собой разряд слов, четко различаемый по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам. Эти признаки взаимосвязаны, их совокупность определяет принадлежность слова к категории наречий. В том или ином слове один из этих признаков может быть выражен в большей степени, другой—в меньшей, но только все три признака, вместе взятые, определяют наречное слово.

2. Наречия—одна из древнейших категорий. В самых ранних памятниках тюркской письменности мы находим наречия как группу слов с самостоятельным и устойчивым значением выразителей качества действия. Путь развития этой категории слов от древнейших времен до современности—это путь количественного и качественного пополнения их состава, путь приобретения новых значений и расширения сферы старых. Это путь оснащения этой категории различными грамматическими свойствами и качествами.

3. Некоторая недифференцированность между наречиями и другими именными частями речи, которая отмечалась в трудах многих ученых, существует и в карачаево-балкарском языке. Мы считаем, что речь идет о небольшом количестве слов в каждом конкретном языке, которые претерпевают процесс перехода из од-

ной части речи в другую, а в современном языке могут квалифицироваться как явление лексико-грамматической омонимии в области именных частей речи.

4. Наиболее яркое отражение современное состояние категорий наречий в карачаево-балкарском языке находит в анализе способов и форм их словообразования. Словообразование наречий современного карачаево-балкарского языка—это пестрая картина количественного пополнения состава этой категории за счет других частей речи. Многообразие словообразовательных приемов в стабилизации наречий еще раз подтверждает факт непрерывного развития и усовершенствования этой части речи. Чем многообразнее становилась деятельность человека, тем больше язык находил средств для характеристики его действий. Как мы видели выше, словообразование наречий в карачаево-балкарском языке основано как на традиционных, утвердившихся в языке приемах и средствах, так и на способах новых, обусловленных спецификой материала.

5. Наиболее устоявшимися основными типами наречного словообразования в карачаево-балкарском языке, на наш взгляд, являются следующие типы:

1) морфологический: образование наречия посредством аффиксации;

2) морфолого-синтаксический: образование наречий путем изоляции формы надежа какого-либо имени из системы склонения;

3) синтаксический способ: образование наречий путем синтаксического сочетания различных основ;

4) лексический способ образования наречий, т. е. образование наречий путем перехода других частей речи в наречия.

6. Принято считать, что наречие—это часть речи, включающая в свой состав группу слов, не имеющих форм словоизменения. Однако материалы современных тюркских языков позволяют проследить некоторые черты словоизменения в наречиях. Так, в карачаево-балкарском языке ряд наречий обладает грамматическими признаками в форме надежных и личных окончаний множественного числа. Кроме того, наречия имеют устойчивую систему степеней сравнения.

7. Наречия в карачаево-балкарском языке, также

как и другие части речи, обладают определенными синтаксическими признаками.

Связь между наречиями и другими словами в предложении осуществляется посредством примыкания, наречие чаще всего стоит впереди того слова, к которому оно относится; основной функцией наречий является функция обстоятельного слова. В предложении наречие занимает место в его начале, в середине и в конце. Наречие сочетается со всеми формами глагола: с инфинитивом, с причастиями и деепричастиями.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. IV. М., 1937.
- В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, 1947.
- В. А. Аврорин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, Б. А. Серебренников, Е. И. Убрятова, Н. Ю. Шведова. Вопросы составления описательных грамматик. ВЯ, № 4. М., 1953.
- Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. I—II. Казань, 1898.
- Ф. Д. Ашнин. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *бура* «это место». Тюркологические исследования». М.-Л., 1963.
- У. Б. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.
- У. Б. Алиев. Слово и части речи. Ученые записки КБГУ, вып. 7. Нальчик, 1960.
- У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, I кесек. Фонетика бла морфология. Нальчик, 1960.
- Алийланы У. Б. Къарачай тилни грамматикасы, II кесек. Черкесск, 1959.
- У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках, ч. I. Черкесск, 1959; ч. II. Нальчик, 1959.
- А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- Д. А. Алексеев. Именные части речи в монгольских языках. ВЯ, № 3. М., 1953.
- Ш. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
- И. Х. Ахматов. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. I. М.-Л., 1935.
- А. К. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. «Революция и письменность», № 2, 1936.
- А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. «Яфетический сборник», № 7. Л., 1952.
- И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

- Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. Москва, 1953.
- Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1956.
- Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958.
- Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960.
- Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
- Н. А. Баскаков. Явления лексикализации аффиксов в тюркских языках. «Лексикографический сборник», вып. IV. М., 1960.
- Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках (Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого Совета института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов 28—30 июня 1954 г.). М., 1954.
- Н. А. Баскаков. О некоторых типологических изменениях в синтаксисе современных тюркских литературных языков. «Тюркологический сборник». М., 1966.
- Н. А. Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. IV. М., 1962.
- И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. ВЯ, № 2. М., 1955.
- И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- А. Ю. Бозиев. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
- С. А. Бурнашева. Некоторые вопросы лексики татарского языка. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. IV, 1962.
- В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.
- В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «Русский язык в школе», № 2. М., 1951.
- В. В. Виноградов. Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слова и о частях речи в современном русском языке. «Доклады и сообщения ИЯ АН СССР», № 1, 1951.
- В. В. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
- И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801.
- Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. М., 1958.
- Е. М. Галкина-Федорук. Наречие в современном русском языке. М., 1939.
- Т. М. Гаринев. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959.
- А. Гулямов. К вопросу об адвербиализации в современном узбекском языке. «Ученые записки Ташкентского Госпединститута», вып. II. Филологический сборник. Т., 1954.
- Х. Гафурова. Наречие в современном туркменском языке, А. к. д. Ашхабад, 1959.
- Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.
- Н. К. Дмитриев. Документы на половецком языке XVI в. Москва, 1967.

- Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
- Н. К. Дмитриев и Чистяков. Наречие в татарском и русском языках. «Строй тюркских языков». Л., 1962.
- Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. «Памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951.
- Н. К. Дмитриев. О парных словосочетаниях в башкирском языке. «Известия АН СССР», VII, № 7, 1930.
- Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.
- С. Давлетов. Азырки кыргыз тилиндеги токтоочтор. Фрунзе, 1960.
- О. Джамалдинов. Наречие в современном уйгурском языке. А. к. д. Алма-Ата, 1965.
- В. М. Жирмунский. Развитие категорий частей речи в тюркских языках, по сравнению с индоевропейскими. «Изв. АН СССР», выпуск III—IV, т. IV. Л., 1945.
- В. М. Жирмунский. О границах слова. ВЯ, № 3. М., 1961.
- Ф. Р. Зейналов. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959.
- Л. С. Ефимова. О некоторых аспектах проблемы наречия в современном турецком языке. «Вопросы тюркской филологии». М., 1966.
- О. Есперсен. Философия грамматики. Москва, 1958.
- Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках. ИСГТЯ, т. II. М., 1956.
- Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбаха. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- А. О. Исхаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950.
- Ф. Г. Исхаков. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- А. О. Исхаков. О классификации частей речи в казахском языке. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке». Ташкент, 1952.
- В. А. Исенгалиева. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Алма-Ата, 1959.
- М. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
- Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка Казань, 1903.
- А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка М.-Л., 1956.
- А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка. «болкар». СМОМПК, № 4, Тифлис, 1912, раздел III.
- П. С. Кузнецов. Морфологическая классификация языков, М., 1954.

- П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование. Москва, 1965.
- М. А. Кумахов. О соотношении морфемного строения слова и словообразования. ВЯ. М., 1963. № 6.
- А. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Е. Кржижкова. Адвербиальная детерминация со значением места и направления. ВЯ. М., 1967.
- В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. ВЯ, № 1. М., 1966.
- Е. М. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- Е. С. Малов. Енисейская письменность. тюрков. М.-Л., 1952.
- И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л. 1945.
- И. И. Мещанинов. Примыкание в различных синтаксических системах. ВЯ. М., 1967, № 3.
- П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Г. Г. Мусабаяев. Современный казахский язык, ч. I. Алма-Ата, 1959. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
- Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
- В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960.
- А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Н. С. Поспелов. Ученые о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.
- М. Н. Петерсон. О частях речи в русском языке. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
- Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955.
- А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современно-го османско-турецкого языка. Л., 1925.
- Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. ВЯ. № 6. М., 1952.
- Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика в монгольских языках. М., 1953.
- Э. В. Севортьян. К проблеме частей речи в тюркских языках. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
- Э. В. Севортьян. Пробные статьи к «этимологическому словарю тюркских языков». Москва, 1966.

Э. В. Севортян. Из истории прилагательных в тюркских языках. «Тюркологические исследования». М.-Л., 1963.

Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Москва, 1966.

Э. В. Севортян. Словообразование в тюркских языках. ИСГТЯ, ч. II. М., 1956.

Б. А. Серебрянников, К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

О. П. Суник. Общая теория частей речи. М.-Л., 1966.

Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.

Д. Семигулова. Обстоятельства места и времени в современном узбекском языке. А. к. д. Ташкент, 1963.

М. Ф. Саруева. Наречие в ногайском языке. Труды КЧНИИ, вып. III (филолог.). Черкесск, 1959.

Л. Ю. Тягушева. О порядке слов в тюркских языках. «Тюркологический сборник». М., 1966.

Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965.

И. Х. Урусбиев. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964.

В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.

С. Фузайлов. Наречие в современном узбекском языке. А. к. д. М., 1953.

М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.

М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

Л. Н. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943.

Х.-М. И. Хаджилаев. Послелогои и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.

А. Дж. Шукюров. Наречие в азербайджанском языке. А. к. д. Баку, 1966.

А. Дж. Шукюров. Первообразные наречия в азербайджанском языке. «Тюркологический сборник». М., 1966.

А. А. Юлдашев. К проблеме аналитизма в тюркских языках. ВЯ. М., 1965, № 2.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

на карачаево-балкарском языке

1. Аппаланы Хасан «Къара кюбюр». Черкесск, 1959.
2. К. Кулиев, Сайлама. Нальчик, 1958, II томлукъ.
3. Байрамукъланы Халимат. «Къарчаны юйдегиси». Черкесск, 1962.
4. Хубийланы Осман, «Аманат»—экинчи китабы. Черкесск, 1961.
5. Сюйюнчланы Азамат, «Адамлыкъ». Черкесск, 1965.
6. «Нарт сёзле». Черкесск, 1964.
7. Къарачай халкъ таурухла. Черкесск, 1964.
8. Джаубаланы Хусей, «Атамы сёзю». Черкесск, 1963.
9. Къобанланы Дагир. Таулада таууш. Черкесск, 1965.
10. Эбзеланы Ханапий. Къанаматны джуртунда. 1963.
11. Огъурлу танг. Черкесск, 1969.

на других тюркских языках

1. Тат. «Татар халыкъ мэкәлләре», т. 2. Казан, 1963.
Г. Ибрагимов, Сайланма эсэрләр. Казан, 1956.
2. «Каз. «Казах эпосы». Алма-Ата, 1958.
3. Кум. Номера газеты «Ленин елу» за 1965—1966.
4. Ног. Ф. Абдулжалилов. «Асантай», «Ярбаста».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ЗНАКОВ

- ВГИВЯ** — Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.-Л., 1958.
- ВЯ** — Вопросы языкознания
- Изв. АН** — Известия Академии Наук
- ИСГТЯ** — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков
- СМОМПК** — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- А. к. Д.** — Автореферат кандидатской диссертации
- азерб.** — азербайджанский язык
- алт.** — алтайский язык
- башк.** — башкирский язык
- гагауз.** — гагаузский язык
- др. тюрк.** — древнетюркский язык
- дат. п.** — дательный падеж
- др.** — другие
- ед. ч.** — единственное число
- исх. п.** — исходный падеж
- каз.** — казахский язык
- ккалп.** — каракалпакский язык
- кбалк.** — карачаево-балкарский язык
- караим.** — караимский язык
- кум.** — кумыкский язык
- кирг.** — киргизский язык
- мн. ч.** — множественное число
- ног.** — ногайский язык
- род. п.** — родительный падеж
- см.** — смотрите
- ср.** — сравните
- тат.** — татарский язык
- тув.** — тувинский язык
- турец.** — турецкий язык
- туркм.** — туркменский язык
- узб.** — узбекский язык
- уйг.** — уйгурский язык
- ук. соч.** — указанное сочинение

ПРИМЕЧАНИЕ

Некоторые буквы сравнительного материала по техническим причинам заменены буквами карачаево-балкарского алфавита следующим образом:

- э заменена буквой а̄
- і, ї заменены буквой и
- ө, ö заменены буквой ё̄
- ӣ заменена буквой ю
- ј заменена буквой й
- Ѣ, F заменены буквой гъ
- к̄ заменена буквой къ
- џ, нъ заменены буквой нг
- h̄ заменена буквой х.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение к истории изучения наречий в тюркских языках	5
Вопрос о наречиях в работах по карачаево-балкарскому языку	17

Глава I

1. Наречие в составе именных частей речи в свете проблемы их классификации	21
2. Лексико-грамматическая омонимия в области имен существительных, прилагательных и наречий	33

Глава II

Лексико-семантическая характеристика наречий	39
1. Из истории развития лексики тюркских языков в области наречий	39
2. Классификация наречий по происхождению	43
3. Разряды наречий	51

Глава III

Морфологическая структура наречий	59
А. Словообразование	59
1. Морфологический способ образования наречий. Аффикация	63
II. Морфолого-синтаксический способ образования наречий	74
III. Синтаксический способ образования наречий	80
IV. Лексический способ образования наречий	94
Б. Некоторые морфологические признаки наречий в карачаево-балкарском языке	96
Степени сравнения	98

Глава IV

Синтаксис наречий	100
Заключение	107
Литература	110
Художественная литература на карачаево-балкар- ском языке и на других тюркских языках	115
Список сокращений и условных знаков	116
Примечание	117

Сюфья Аюбовна Гочиева

**Наречия
в карачаево-балкарском
языке**

Редакторы Р. М. Хабичева, Н. М. Кагиева
Художник Т. Э. Джанибеков
Художественный редактор М. П. Бертник
Технический редактор М. Ф. Перепадя
Корректор В. И. Бульская

Сдано в набор 18-IV-1973 г. Подписано в печать 26-XI-1973 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,75. Ус. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,21.
Заказ № 2019. Тираж 500 экз. ВУ 02724. Цена 47 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова. Дом печати.
Карачаево-Черкесская областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
44	11 сверху	<i>ары</i>	<i>ары</i>
»	19 »	<i>аз</i>	<i>̄аз</i>
»	26 »	<i>ам</i>	<i>̄ам</i>
45	12 »	<i>ичарийа</i>	<i>ич̄арийа</i>

На стр. 47 19 строку снизу читать так:

кери-кенг «широкий» + *йерю* «место» > *ке* + *йерю* > *кери*

На стр. 47 13 строку снизу читать так:

йерю > *ичкери*; *уч* «конец», *га* + *йерю* «место» > *уч* + *га*

Наречие в Карачаево-Балкарском языке.

